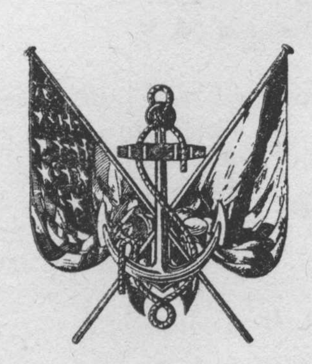
МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.

THE NAVAL RECORDS.

Томъ III. № 1. Volume III. № 1.

Изданіе Общества
бывшихъ Русскихъ Морскихъ
Офицеровъ въ Америкѣ, Инк.
Нью-Іоркъ.

Published by
the Association of Former
Russian Naval Officers
in America, Inc.
New York.

1945.

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.

Издаваемыя О-мъ б. Русскихъ Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ.
Подъ Редакціей
Ст. Лейт. С. В. Гладкаго.
3604 Бродвей, Нью-Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS.

Published by the Association of Former Russian Naval Officers in America, Inc.
Serge V. Glad, Editor.
3604 Broadway, New York, N. Y.

Vol. III, № 1. Issued to members. Price $1.00 a copy. March, 1945.

Содержаніе:

Contents:

Адмиралъ А. И. Русинъ.

ПИСЬМА И ЗАМѢТКИ О ФЛОТѢ.

1.

Въ Японіи наканунѣ войны. (1903 г.)

Весь 1903 годъ былъ тревожнымъ. Лѣтомъ я доносилъ въ С. Петербургъ и въ Портъ Артуръ, что въ текущемъ году, во всѣхъ дивизіяхъ (всѣхъ дивизій въ Японіи было 12, въ этомъ числѣ одна гвардейская) были произведены — гдѣ учебные сборы запасныхъ чиновъ, гдѣ повѣрочная мобилизація и призванные оставлены въ казармахъ. Большей подготовки всей арміи къ войнѣ трудно себѣ представить. Являлось предположеніе, нѣтъ ли гдѣ либо и подготовленныхъ пароходовъ для перевозки этихъ дивизій на военномъ положеніи, почему я и предпринялъ объѣздъ побережья и осмотръ нѣкоторыхъ портовъ, но ничего особеннаго нигдѣ не оказалось, о чемъ я и телеграфировалъ, возвратясь изъ поѣздки.

Въ декабрѣ же 1903 г., Военный Агентъ, полковникъ Самойловъ и я, сообщили въ Штабъ Намѣстника, что каждый день кто либо изъ насъ двоихъ будетъ непремѣнно телеграфировать въ Портъ Артуръ и неполученіе телеграммы должно служить признакомъ особо тревожнаго положенія. *) (3 октября 1944 года).

2.

Архангельскъ и Мурманская желѣзная дорога въ Великую войну. (1914-1917 г.г.)

Статья Ю. К. Дворжицкаго "Въ Архангельскѣ въ началѣ 1-ой Великой войны" **) вызвала у меня воспоминанія, которыя и привожу. Первымъ піонеромъ, поднявшимъ свой громкій и компетентный голосъ въ пользу береговъ Ледовитаго океана и Мурмана, былъ Капитанъ 2 ранга въ отставкѣ Кази, крупный дѣятель, создавшій Балтійскій судостроительный заводъ, построившій лучшія суда Император-

---

*) Послѣдняя телеграмма К. 2 ранга Русина, пропущенная японцами, была отъ 22 января 1904 г. Ред.

**) См. "Морскія Записки", томъ I, стр. 151.

скаго флота. Въ концѣ царствованія Императора Александра II онъ велъ энергичную пропаганду въ печати и въ министерствахъ о важномъ значеніи для Россіи Сѣвера и Сѣверныхъ путей, но встрѣчалъ недовѣріе, насмѣшки и апатію.

Въ ближайшее время, расшивка Архангельской желѣзной дороги изъ узкоколейной въ ширококолейную и постройка Мурманской желѣзной дороги, обязаны своимъ осуществленіемъ настойчивымъ требованіямъ Морского Министра, по Морскому Генеральному Штабу.

Послѣ Сараевскаго убійства возможность войны стала вырисовываться и въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ пришлось пересматривать разные вопросы въ связи съ вѣроятностью войны. Мой помощникъ по Морскому Крѣпостному Совѣту и по сношеніямъ съ другими вѣдомствами, контръ-адмиралъ А. П. Угрюмовъ, просилъ меня уполномочить его сходить и пошевелить въ Министерствѣ Путей Сообщенія вопросъ объ Архангельской желѣзной дорогѣ и о постройкѣ Мурманской желѣзной дороги. Въ началѣ Іюля 1914 г., недѣли за двѣ до начала войны, контръ-адмиралъ Угрюмовъ мнѣ докладываетъ, что хорошо бы написать Товарищу Министра Путей Сообщенія, что я и сдѣлалъ. Около 19 Іюля ст. ст. (начало войны) Морской Министръ пишетъ, по Морскому Генеральному Штабу, офиціальную бумагу Министру Путей Сообщенія Рухлову, о необходимости спѣшно перешить Архангельскую желѣзную дорогу изъ узкоколейной въ ширококолейную, а до выполненія этой работы, оттянуть туда, со всѣхъ узкоколейныхъ дорогъ Имперіи, возможно большее количество подвижного состава.

На офиціальную бумагу Морского Министра, по Морскому Генеральному Штабу, Министръ Рухловъ собственноручно отвѣчаетъ письмомъ полуофиціальнымъ, вѣрнѣе частнымъ, гдѣ пишетъ приблизительно такъ: "Напрасно, Иванъ Константиновичъ, безпокоитесь и нервничаете, Архангельская желѣзная дорога выполнитъ все, что отъ нея потребуется, но только Вы и требуете, т. к. Военный Министръ заявилъ, что онъ въ этой желѣзной дорогѣ не заинтересованъ".

Вопросъ объ увеличеніи всѣми мѣрами провозоспособности Архангельской желѣзной дороги и о спѣшной постройкѣ Мурманской желѣзной дороги, вносится Министромъ Путей Сообщенія на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ. На засѣданіи, на которомъ назначено разсмотрѣніе этого вопроса, я замѣщаю Морского Министра и, въ первый разъ, присутствую на засѣданіи Совѣта Министровъ. Министръ Путей Сообщенія Рухловъ, сидя рядомъ со мной за столомъ, гдѣ сидѣло 10 Министровъ, голосомъ чрезвычайно громкимъ, что не требовалось по числу присутствовавшихъ лицъ и производило впечатлѣніе раздраженнаго выкрика, сказалъ, приблизительно, такъ:

"Архангельская желѣзная дорога выполнитъ все, что потребуется, но **Морское Министерство, Богъ знаетъ, что требуетъ** и только

оно требуетъ, т. к. Военное Министерство заявило, что оно въ этой желѣзной дорогѣ не нуждается и въ ней не заинтересовано".

Въ отвѣтъ на эти слова Министра Путей Сообщенія, я сказалъ такъ же громко, а можетъ быть и громче, т. к. мой голосъ былъ достаточенъ командовать авраломъ на крейсерѣ "Россія" (гдѣ я былъ Старшимъ офицеромъ):

"Требуетъ не Морское Министерство, а требуетъ война; воюетъ не одно Морское и Военное вѣдомства, а воюетъ вся Россія, поэтому всѣ Вѣдомства обязаны напречь всѣ свои силы къ успѣшному веденію войны". Мои слова, а вѣрнѣе тонъ и громкій голосъ, произвели дѣйствіе разорвавшейся бомбы. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, въ ужасѣ углубился въ свое предсѣдательское кресло, а глаза, казалось, выскакивали изъ своихъ орбитъ.

Въ дальнѣйшемъ, тѣмъ не менѣе, Министръ Рухловъ энергично повелъ дѣло увеличенія провозоспособности Архангельской желѣзной дороги, расширивши пути и постройки Мурманской желѣзн. дороги и, повидимому, не обидѣлся на меня, за мое нѣсколько рѣзкое выступленіе на его слова, т. к., на слѣдующемъ же засѣданіи Совѣта, обратился ко мнѣ съ просьбой дать въ Гвардейскій полкъ, гдѣ служилъ его сынъ, 37 м/м. пушки Гочкиса, что я и сдѣлалъ съ радостью, чтобы загладить свою рѣзкость.

Надо сказать, что мы передавали въ полки, когда къ намъ обращались, за ненадобностью для насъ самихъ, 37 м/м пушки Гочкиса съ большимъ количествомъ патроновъ. На фронтѣ онѣ производили на непріятеля большой эффектъ.

Уголь, который загромождалъ Архангельскъ, пришелъ и непрерывно приходилъ, благодаря заботамъ Морского Вѣдомства, въ такомъ количествѣ, что въ теченіи всей войны и военныхъ операцій, Балтійскій флотъ, заводы Петербургскаго раіона и самъ СПБ, не ощущали ни малѣшаго недостатка въ топливѣ и даже излишествовали въ расходѣ на рекламн. освѣщеніе магазиновъ и городовъ, точно въ мирное время; поэтому я внесъ предложеніе о сокращеніи освѣщенія магазиновъ и прочей ненужной и недопустимой роскоши, явившейся вслѣдствіи непониманія и незнанія откуда, и с какимъ трудомъ, доставляется топливо и прочіе матеріалы.

Было, также, внесено предложеніе о контролѣ за кинематографами, которые не только излишествовали въ расходѣ на электричество, но и ставили фильмы, недопустимыя въ смыслѣ подрыва патріотизма и военнаго духа. Вообще, въ Совѣтѣ Министровъ, замѣтно было большое вниманіе къ мнѣнію Морского Министра по всѣмъ вопросамъ, даже не затрагивавшимъ непосредственно флота и войны.

Нельзя не вспомнить съ особой благодарностью Сергѣя Ивановича Тимашева, Министра Торговли и Промышленности, который, съ

полнымъ вниманіемъ и готовностью, относился къ нуждамъ военнаго времени, а его Начальникъ Отдѣла Портовъ, (Директоръ Департамента) чуть не каждый день приходилъ самъ въ Морской Генеральный Штабъ, справляться что требуется. Не знаю, какое сложилось представленіе въ Архангельскѣ о дѣятельности Министерства Торговли и Промышленности въ устройствѣ пристаней и складовъ, но въ СПБ. я видѣлъ со стороны Министерства полную готовность всемѣрно идти на встрѣчу всѣмъ требованіямъ войны.

Считаю также, что каждый изъ насъ можетъ гордиться постройкой въ два года Мурманской желѣзной дороги, которая, и теперь, спасаетъ положеніе. Вѣдь это — полторы тысячи верстъ по топкимъ, непроходимымъ болотамъ и тундрамъ, въ мѣстности пустынной, не населенной. Все — и рабочія руки, надо было привозить издалека, да еще во время войны, когда приходилось въ прифронтовомъ раіонѣ спѣшно строить новыя, тактическія желѣзныя дороги и исправлять разрушенныя! Нѣтъ ничего невыполнимаго, невозможнаго для Россіи, ея мощи и для русскаго человѣка, съ его выносливостью и смекалкой. (9 Октября 1944 г.)

3.

О книгѣ А. Г. Тарсаидзе "Морской Корпусъ за четверть вѣка".

Весьма цѣненъ трудъ А. Г. Тарсаидзе тѣмъ, что онъ сгруппировалъ періоды жизни Морского Корпуса и молодежи вплоть до революціи. Мнѣ пришлось встрѣчаться въ Парижѣ съ покойнымъ А. М. Бригеромъ, говорившимъ мнѣ о переживаніяхъ Корпуса во время революціи. Это же мнѣ разсказывали и нѣкоторые изъ бывшихъ тогда воспитанниковъ Морского Училища. Все вѣрно воспроизведено и зарегистрировано А. Г. Тарсаидзе. Важно, что эти разсказы не распылятся, не исчезнутъ, а сохранятся для будущаго историка Корпуса и личнаго состава флота. Не нахожу чѣмъ бы я могъ дополнить трудъ А. Г. Тарсаидзе; скажу только, что до 1930 г. В. А. Карцовъ былъ живъ и работалъ въ Метеорологической обсерваторіи, которая находилась на Васильевскомъ островѣ, за Горнымъ институтомъ.

4.

Къ характеристикѣ матроса Императорскаго флота.

Можно сказать, что вообще во флотѣ, отношенія между офицерами и командами были, по большей части, ровныя, гуманныя, можно сказать родственныя, семейныя. Революціонныя убійства офицеровъ отчасти это подтверждаютъ, т. к. штатскимъ агитаторамъ прихо-

дилось приводить чужія команды для увода и убійства судовыхъ офицеровъ. Сужу, по своей длительной, протекшей службѣ во флотѣ: Въ оберъ-офицерскихъ чинахъ мнѣ приходилось тѣсно работать съ матросами: въ зиму 1882-83 г. я обучалъ новобранцевъ; затѣмъ три года плавалъ на парусномъ корветѣ "Бояринъ", въ отрядѣ Морского Училища; сначала младшимъ штурманомъ, а въ 1884 и 1885-86 г. ревизоромъ; въ этой послѣдней должности, мѣсяца за три до начала Кампаніи, я цѣлыми днями, съ партіей матросовъ въ 10-20 чел. (перемѣннаго состава), колесилъ по всему порту, мастерскимъ, такелажной, магазинамъ по пріему троса и разныхъ предметовъ судового снабженія и хозяйства; матросы не представляли собою только валовую силу, но были разумными, доброжелательными сотрудниками. Не помню, чтобы мнѣ приходилось на кого-либо изъ работавшихъ со мною матросовъ жаловаться или накладывать взысканіе. Въ трехлѣтнемъ дальнемъ плаваніи на крейсерѣ "Адмиралъ Корниловъ" (первое заграничное плаваніе крейсера подъ командою К. 1 р. Е. И. Алексѣева, впослѣдствіи Намѣстника Е.И.В. на Дальнемъ Востокѣ), я былъ Ротнымъ Командиромъ и около года завѣдывалъ отпускомъ команды на берегъ, и пріемомъ ея по возвращеніи съ берега (когда Старшимъ офицеромъ былъ К 2 р. Линдестремъ).

На крейсерѣ я завѣдывалъ гребнымъ катеромъ № 1 (параднымъ) и мнѣ приходилось на немъ возить: Императора Александра III съ Императрицею и всей Августѣйшей Семьею, Государя Императора Николая II, въ бытность Наслѣдникомъ Престола, (много разъ), Вдовствующую Императрицу Германскую (мать Вильгельма II), королевъ Греціи, Даніи, Норвегіи, Великобританіи; многихъ другихъ принцессъ и высокихъ особъ. Можетъ быть это сплотило между собою гребцовъ катера и объединило со мною, но я до сихъ поръ помню фамиліи нѣкоторыхъ гребцовъ катера; а старшина катера, Боцманматъ Кошкаровъ, угрюмый, неуклюжій, рослый Астраханецъ, мнѣ какъ родной; онъ три года плавалъ на корветѣ "Витязь", подъ командою Флиг. Адъют. Кап. 1 р. С. О. Макарова (вѣроятно былъ топовымъ), а затѣмъ, уже унтеръ офицеромъ три года на крейсерѣ "Адм. Корниловъ", и когда, по возвращеніи въ Кронштадтъ въ 1891 г., онъ уходилъ въ запасъ флота, срокъ службы во флотѣ былъ семилѣтній тогда, то мы съ нимъ обнимались, цѣловались, какъ самые близкіе люди при разставаніи, и этотъ сдержанный, молчаливый дѣтина плакалъ. Если онъ живъ, ему теперь 80 лѣтъ.

Затѣмъ я былъ Старшимъ артилл. офицеромъ и устанавливалъ артиллерію и приборы стрѣльбы (впервые появившіеся) на броненосцѣ "Гангутъ" и крейсерѣ "Россія". Башенную установку 12 дм. орудія бр. "Гангутъ" изготовлялъ Путиловскій заводъ. Къ работамъ по сборкѣ башенной установки привлеченъ былъ заводомъ, съ

моего согласія, за особую плату, и башенный артилл. унтеръ-офицеръ Худяковъ, красивый, статный, высокій блондинъ Олонецкой губерніи; очень смышленный, симпатичный. Когда предстояло произвести первый, пробный выстрѣлъ изъ 12 дм. орудія башни, по два инженера Путиловскаго завода, одинъ, кажется, по фамиліи Юзефовичъ, или что-то въ этомъ родѣ, съ ужасомъ мнѣ закричали: "Подождите, ради Бога подождите, дайте намъ уйти изъ башни". Когда они ушли и я остался въ башнѣ вдвоемъ съ Худяковымъ, я ему сказалъ: ты уходи, Худяковъ, а я останусь одинъ въ башнѣ для производства выстрѣла. Худяковъ мнѣ отвѣтилъ: "Если Вы уйдете Ваше Выс., то я тоже уйду; но если Вы остаетесь въ башнѣ, то разрѣшите мнѣ тоже остаться съ Вами въ башнѣ". Какое удивительное благородное сознаніе у Худякова нѣкоторой своей отвѣтственности за исправность башенной установки, т. к. онъ работалъ по сборкѣ установки отъ завода! Этого сознанія не было у обоихъ штатскихъ инженеровъ Путиловскаго завода, которые поторопились выскочить изъ башни передъ первымъ выстрѣломъ, а вѣдь если бы случилась какая либо катастрофа, то, морально, главными виновниками были бы эти два инженера. Когда, послѣ выстрѣла, я поднялся на мостикъ и доложилъ Инспектору Артиллеріи, Контръ-Адмиралу С. О. Макарову, державшему свой флагъ на броненосцѣ, что въ башнѣ все исправно, то Адмиралъ мнѣ сказалъ: "Вамъ и никому не слѣдовало оставаться въ башнѣ при первомъ пробномъ выстрѣлѣ".

На крейсерѣ "Россія" я былъ первые три года стар. артил. офицеромъ, а въ 1898 и 1899 г.г. Старшимъ офицеромъ. Осенью 1917 года, когда я былъ уже въ отставкѣ (при Керенскомъ) и шелъ по Невскому въ штатскомъ, т. е. въ парусинномъ, поношенномъ дождевикѣ (какіе носили на фронтѣ сухопутные офицеры) и мягкой, фетровой шляпѣ, встрѣтившійся со мною какой-то типъ меня спрашиваетъ: "Вы Адмиралъ Русинъ?" Я отвѣтилъ: "Да". "А я минеръ Глазковъ съ крейсера "Россія". Можете себѣ представить эту встрѣчу, 17 лѣтъ послѣ того, какъ я плавалъ Старшимъ офицеромъ на крейсерѣ "Россія", бывшемъ флагманскимъ кораблемъ въ эскадрѣ Тихаго океана, сначала подъ флагомъ Вице-Адм. Дубасова, а потомъ Вице-Адмирала Гильтебрандтъ. Кто былъ въ эти года на эскадрѣ Тихаго океана и въ Портъ-Артурѣ подтвердятъ, что кр. "Россія" былъ образцовый корабль въ эскадрѣ по чистотѣ, порядку и дисциплинѣ команды, вообще говоря изъ числа лучшихъ кораблей эскадры, что являлось результатомъ заботъ старшаго офицера и неустанныхъ трудовъ, работъ команды въ 850 человѣкъ; и вотъ, одинъ изъ этой команды встрѣчается черезъ 17 лѣтъ со своимъ бывшимъ старшимъ офицеромъ, когда солдатчина и матросня поубивала уже много офицеровъ во время революціи, зазываетъ бывшаго Старшаго офицера къ себѣ, одариваетъ изъ своихъ за-

пасовъ бѣлымъ хлѣбомъ, масломъ и яйцами, бывшими уже тогда большою рѣдкостью. Надо еще прибавить, что у минеровъ былъ всегда нѣкоторый антагонизмъ съ артиллеріей и комендорами, а я былъ, до старшаго офицерства на "Россіи", тамъ же три года артиллерійскимъ офицеромъ. Какъ русскій, я горжусь приведеннымъ случаемъ и его рекламирую, изъ желанія указать и наглядно подтвердить, какой существовалъ строй и взаимоотношенія между офицерами и матросами при Царскомъ режимѣ. Вѣдь изъ всѣхъ офицеровъ на кораблѣ, старшій офицеръ самый непріятный, самый тяжелый для каждаго изъ команды; въ особенности такой, какъ я, который непрерывно несъ свои обязанности, никому другому ихъ не передавая; такъ какъ, напримѣръ, за весь 1899 г., я только три раза съѣхалъ на берегъ: одинъ разъ пройтись днемъ по Владивостоку; второй къ Линдгольмъ на балъ, отчасти для меня, какъ ст. офицера гостепріимной каютъ-компаніи, устраиваемый; и, третій разъ — на адмиральскую пристань, посмотрѣть какъ съ берега выглядитъ иллюминація крейсера. Одинъ видъ старшаго офицера, вѣчно снующаго по палубамъ и трюмамъ, наводящаго порядокъ и чистоту, долженъ былъ бы невыразимо надоѣсть, набить оскомину; а тутъ, такого человѣка, черезъ 17 лѣтъ снабжаютъ продуктами питанія, хотя у самого жена и семья на рукахъ. Онъ служилъ тогда электро-техникомъ въ телеграфѣ и получалъ вѣроятно хорошій паекъ. Теперь, если онъ живъ, ему около 65 лѣтъ, а славнымъ ребятишкамъ, которые ласково меня тогда принимали, подъ тридцать.

Кошкаровъ, Худяковъ, Глазковъ и многіе другіе представители Русскаго народа, съ которыми мнѣ приходилось служить и работать во флотѣ, дали мнѣ основаніе сказать, въ концѣ моего доклада въ Парижѣ, въ 1923 или 1924 г., что Русскій народъ не погибъ, онъ не можетъ быть стертъ съ лица земли. Часть моего доклада приведена въ Мор. Журналѣ № 80/81 Августъ-Сентябрь 1934 г. Въ этомъ № Морск. Журнала хорошая статья А. Д. Бубнова, только въ ней, на стр. 137 восьмая строчка сверху, я бы вычеркнулъ слова: "никакой разумной надежды" и замѣнилъ бы словомъ: "увѣренности".

Не могу не вспомнить роста грамотности въ Русскомъ народѣ, можно сказать у меня на глазахъ: въ 1882-1883 г.г., когда я обучалъ новобранцевъ, грамотныхъ было 5-10%. Въ 1905-1907 г. когда я командовалъ броненосцемъ "Слава", приходило безграмотныхъ среди новобранцевъ только 5-10%. См. A. de Goulevitch (сынъ генерала) Tsarisme et Revolution — стр. 53.

Этотъ небольшой процентъ неграмотныхъ быстро ликвидировался бы, если бы Гос. Дума не задержала проэкта П. А. Столыпина о народныхъ учителяхъ и институтахъ для ихъ воспитанія и обученія.

Въ заключеніе вспомню, что въ 1897 г. бр. "Гангутъ" былъ флагманскимъ кораблемъ Вице Адм. Сергѣя Петровича Тыртова, ко-

мандовавшаго эскадрою Балтійскаго моря. Броненосецъ, въ Финскихъ Шхерахъ, распоролъ себѣ дно о неизвѣстный камень, и затонулъ перевернувшись вверхъ килемъ; никто при этомъ не погибъ. Я плавалъ въ это время уже на кр. "Россія" и не былъ свидѣтелемъ гибели; но мнѣ говорили объ удивительномъ спокойствіи, царившемъ на кораблѣ въ эти катастрофическія минуты. Когда вода уже заливала адмиральское помѣщеніе, быть можетъ минутъ за 20 до гибели, вѣстовой Адмирала поднялся на мостикъ и спросилъ Адмирала, прикажетъ ли собирать завтракъ.

(5 Февраля 1945 г.)

Ст. Лейтенантъ В. М. Костенко.

ОТЪ С. ПЕТЕРБУРГА 8923, ОТЪ МОСКВЫ 8314 ВЕРСТЪ.

(На Дальнемъ Востокѣ въ серединѣ іюля 1914 г.)

Въ концѣ іюня 1914 г., во Владивостокѣ, съ визитомъ, прибыла англійская Восточно-Азіатская эскадра подъ флагомъ вице-адм. Джерамъ, въ составѣ бронен. крейс. "Минотавръ" и крейсеровъ: "Хэмпширъ", на коемъ впослѣдствіи погибъ лордъ Китченеръ, и "Ярмутъ". Долженъ былъ прибыть еще крейсеръ "Ньюкэстль", находившійся у береговъ Камчатки, но англичане нѣсколько сократили срокъ своего пребыванія у насъ, такъ какъ должна была придти французская эскадра и надо было избѣжать афишированія тройного альянса; поэтому "Ньюкэстль" съ сѣвера прошелъ прямо въ Гонгконгъ. Англичанъ принимали очень тепло и радушно.

Въ началѣ іюля ушли на югъ и эскадренные миноносцы: "Властный" (брейдъ-вымпелъ Кап. 1 р. Н. Н. Совинскаго) и "Грозовой" проводили ихъ въ море до линіи о. Аскольдъ — заливъ Посьета, пожелавъ сигналомъ счастливаго плаванія. Послѣ ухода англичанъ, Командующій Сибирской флотиліей, к.-адмиралъ М. Ф. фонъ Шульцъ, выслалъ въ море всѣ суда нашей эскадры для прохожденія курса обычныхъ практическихъ минныхъ и артиллерійскихъ стрѣльбъ и минныхъ постановокъ, прерванныхъ изъ за визита гостей.

Мы, 1-ый дивизіонъ эск. миноносцевъ, проходили стрѣльбы въ Амурскомъ заливѣ, причемъ одинъ полу-дивизіонъ стрѣлялъ изъ орудій въ Славянскомъ заливѣ, а первый полудивизіонъ минами у бе-

реговъ Сѣданка - Океанская.

Утромъ 12-го іюля мы, въ парѣ съ "Властнымъ", стрѣляли другъ по другу (по буксируемымъ миннымъ щитикамъ) на 18 узловомъ ходу. Дулъ свѣжій зюйдъ-вестъ, разведшій хоть и небольшую, но крутую волну. Въ моментъ нашего залпа насъ сильно положило на правый, стрѣляющій, бортъ. Одна изъ заваленныхъ стоекъ поручней внезапно качнулась, сдвинула леeръ, образовавъ изъ него выступающую петлю и мина кормового аппарата слегка задѣла ее своей кормовой рамой. Пройдя подъ водой не больше кабельтова, мина "показала хвостъ" и ушла на глубину. Сообщили по семафору на "Властный" и получили въ отвѣтъ: "искать пока не найдете". (Начальство значитъ обозлилось). Минный офицеръ, мичманъ Г. В. Васильевъ, окончательно "скисъ" и отъ семафора и отъ нашихъ замѣчаній по его и его минамъ адресамъ.

Ну, гдѣ тутъ будешь искать воздушные пузыри, травящей гдѣ-то на грунтѣ мины, когда весь заливъ покрытъ пѣной барашковъ крутой, частой волны и, возможно, что такая погода зарядилась надолго! Стихало только по ночамъ, а съ утра тотъ же свѣжій бризъ вотъ уже нѣсколько дней. Ничего не подѣлаешь. Бросили буекъ у примѣрнаго мѣста потери мины, а сами стали на якорѣ вблизи, въ 2-3 миляхъ отъ дачнаго поселка Сѣданка.

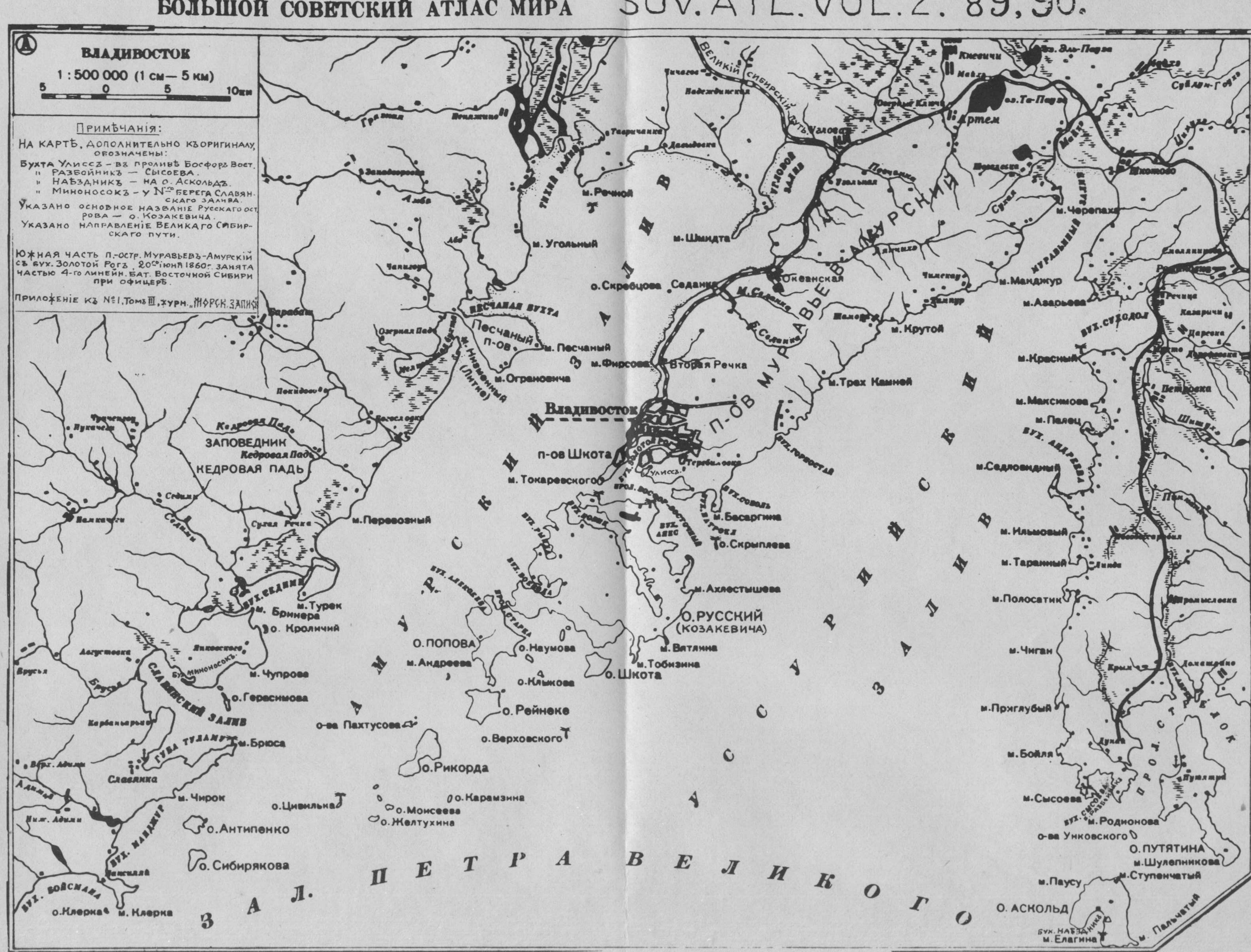
Спустившись въ каютъ-компанію, сдѣлать "начерно" рюмку водки "подъ пробу", устроили нашему неудачнику "розыгрышъ", переиначивъ исторію о Джонсѣ, страстномъ курльщикѣ сигаръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мечтающемъ, сколько бы онъ сберегъ денегъ, если бы ихъ не курилъ. У насъ это вылилось въ такой формѣ. Началъ Командиръ:

"Одна мина въ день"..., сказалъ М. М., привычно расправляя свои пышные бѣлокурые усы. — "Одна мина въ день"..., повторилъ инженеръ-механикъ Н. Д. — "Одна мина въ день"..., живо поддержалъ старшій офицеръ, "это составитъ 365 минъ въ годъ и 366, если годъ будетъ високосный".

"Если каждая мина образца 98 года стоитъ 3000"... — задумчиво протянулъ М. М.

"Если каждая мина стоитъ 3000 рублей"... поддержалъ Н. Д. "Если каждая мина образца 98 г. стоитъ 3000..." — резонно замѣтилъ В. М., "это составитъ въ годъ сумму, достаточную для постройки новаго миноносца, по крайней мѣрѣ съ 6 минными аппаратами, а если годъ будетъ високосный, то еще останется 3000 рублей"...

"Что же вы съ ними сдѣлаете, Григорій Васильевичъ", внезапно спросилъ М. М. и тутъ ужъ всѣ мы отвѣчаемъ за Васильева хоромъ: "куплю еще одну мину, чтобы утопить ее, проговорилъ Григорій Васильевичъ краснѣя".

ВЛАДИВОСТОК
1 : 500 000 (1 см — 5 км)
5 0 5 10км
Примѣчанія:
На картѣ, дополнительно къ оригиналу, обозначены:
Бухта Улиссъ – въ проливѣ Босфоръ Вост.
" Разбойникъ — Сысоева.
" Наѣздникъ — на о. Аскольдъ.
" Миноносокъ – у Nго берега Славянскаго залива.
Указано основное названiе Русскаго острова — о. Козакевича.
Указано направленiе Великаго Сибирскаго пути.
Южная часть п.-остр. Муравьевъ-Амурскiй съ бух. Золотой Рогъ, 20го iюня 1860г. занята частью 4-го линейн. бат. Восточной Сибири при офицерѣ.
Приложенiе къ №1, Томъ III, журн. Морск. Запис.
ВЛАДИВОСТОК
ЗАПОВЕДНИК
КЕДРОВАЯ ПАДЬ
Кедровая Падь
Песчаная бухта
Песчаный п-ов
м. Песчаный
м. Фирсова
Вторая Речка
м. Ограновича
м. Угольный
м. Речной
м. Шмидта
о. Скребцова
Седанка
Океанская
Угловой залив
Тихий залив
Великий Сибирский путь
Артем
оз. Та-Пауза
Шкотово
м. Черепаха
м. Манджур
м. Азарьева
м. Крутой
м. Трех Камней
П-ОВ МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ
п-ов Шкота
м. Токаревского
м. Басаргина
о. Скрыплева
м. Ахлестышева
О. РУССКИЙ
(КОЗАКЕВИЧА)
м. Вятлина
м. Тобизина
о. Шкота
О. ПОПОВА
м. Андреева
о. Наумова
о. Клыкова
о. Рейнеке
о. Верховского
о-ва Пахтусова
о. Рикорда
о. Цивилька
о. Моисеева
о. Карамзина
о. Желтухина
о. Антипенко
о. Сибирякова
м. Перевозный
м. Турек
м. Бринера
о. Кроличий
м. Чупрова
о. Герасимова
Славянский залив
Губа Туламур
м. Брюса
Славянка
м. Чирок
Бух. Манджур
Бух. Бойсмана
о. Клерка
м. Клерка
АМУРСКИЙ ЗАЛИВ
УССУРИЙСКИЙ ЗАЛИВ
ЗАЛ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
м. Красный
м. Максимова
м. Палец
м. Седловидный
м. Ильмовый
м. Таранный
м. Полосатик
м. Чиган
м. Пржглубый
м. Бойля
м. Сысоева
м. Родионова
о-ва Унковского
О. ПУТЯТИНА
м. Шулепникова
м. Ступенчатый
м. Паусу
О. АСКОЛЬД
Бух. Наѣздника
м. Елагина
м. Пальчатый
Бух. Суходол
Бух. Андреева
Муравьиный залив
Прол. Стрелок

Нашъ милѣйшій "Гриша" дѣйствительно краснѣетъ и чуть не плачетъ отъ "обклада", тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ, въ теченіи обѣда, высказывается масса сожалѣній о затраченныхъ на попеченія о минѣ часахъ работы, на прокачки, продуванія, смазки и т. п. И все это самымъ равнодушно-соболѣзневающимъ тономъ. А то, вдругъ, кто-нибудь подастъ реплику, что лучше бы было просто звякнуть еще на палубѣ по хвосту мины, ну, скажемъ, кувалдой. Пошли бы во Владивостокъ для замѣны, а то ищи тутъ какихъ-то пузырей, когда весь заливъ покрытъ пѣной зыби, а на Сѣданкѣ такія хорошенькія, милыя и гостепріимныя дачницы и такое чудное у нихъ къ чаю варенье. И всего этого насъ лишила какая то подлая мина. Но всѣ мученія несчастнаго Гришеньки прекратились самымъ неожиданнымъ образомъ.

Черезъ переговорную трубу съ вахты унтеръ-офицеръ доложилъ, что изъ за мыса показался и идетъ большимъ ходомъ къ намъ "Властный". Это было необычно. Почти одновременно наше радіо приняло телеграмму съ "Аскольда", относящуюся ко всѣмъ судамъ флотиліи: "Немедленно прибыть во Владивостокъ". Мы высыпали наверхъ. "Властный" прошелъ, чуть не 20 узлами, вплотную къ намъ, подтвердивъ приказаніе немедленно идти во Владивостокъ. Вѣстовые, въ страхѣ, бросились спасать посуду въ каютъ-компаніи и задраивать иллюминаторы, т. к. волну "Властный" несъ большую, а мы еще не кончили нашъ обѣдъ.

Не понимая, почему такой срочный вызовъ, мы пришли къ заключенію, что, навѣрно, французы идутъ къ намъ въ гости и надо ихъ встрѣтить въ полномъ парадѣ и, конечно, простили Григорію Вас. его неудачу съ миной, радуясь, что день Св. Владиміра проведемъ во Владивостокѣ. А Владиміровъ у насъ былъ непочатый край. Однихъ Владиміръ Николаевичей было пять на эскадрѣ.

Черезъ полчаса мы, полнымъ ходомъ, шли во Владивостокъ, гдѣ, по приходѣ, застали въ сборѣ уже почти всю флотилію. Не успѣвъ добѣжать до нашей бочки, приняли семафоръ съ "Аскольда": идти къ угольной пристани и принять запасы до полнаго, причемъ Командиръ вызывался къ Начальнику минной бригады (онъ же Нач-къ нашего дивизіона). На рейдѣ было большое движеніе. У угольной пристани, куда мы подошли, грузились миноносцы нашего и 2-го дивизіона. Принимали уголь съ баржъ и большія суда. Командиръ, немедленно, уѣхалъ на "Властный". Черезъ 5 минутъ мы уже знали, что изъ далекаго Петербурга имѣются какія-то секретныя директивы, но никому и въ голову не приходила мысль о возможности скорой войны.

Къ счастью, угля мы, за нѣсколько дней похода, израсходовали не такъ много и когда, вскорѣ, на нашъ семафоръ на "Властный", что "уголь принятъ", получили отвѣтъ за подписью командира: "перейти на бочку, не ожидая его возвращенія, и срочно принять про-

визію на 3 дня, отнюдь не увольняя команды и не прекращая паровъ" — мы уже знали, что идемъ въ море сегодня же.

Куда, зачѣмъ, почему — ничего неизвѣстно. Настроеніе было недоумѣвающе взвинченное. Къ 6 час. уже стояли на своей бочкѣ, скатывая палубу, когда прибылъ командиръ. Спросилъ, готовы ли машины и принята ли провизія и предупредилъ, что черезъ полчаса вмѣстѣ съ "Властнымъ" уходимъ въ море.

Въ 18.30, подъ половиннымъ числомъ котловъ, вмѣстѣ съ "Властнымъ", снялись съ бочекъ и пошли къ выходу изъ бухты, причемъ "Властный" повернулъ въ Амурскій заливъ, а мы пошли къ о. Аскольду. Выйдя въ море, К-ръ нѣсколько разъяснилъ обстановку: въ Европѣ политическій кризисъ; убитъ эрцгерцогъ Францъ Фердинандъ; Австрія предъявила Сербіи дерзкій ультиматумъ и есть опасность возникновенія войны между центральными державами и Россией и Франціей. На нашу и "Властнаго" долю выпала задача охраны подходовъ къ Владивостоку; т. к. мы не имѣемъ рельсовыхъ путей для минныхъ постановокъ, то и будемъ нести эти функціи, быть можетъ, до конца кризиса. Приказалъ изготовить большую деревянную крестовину 6х6 фут. съ большимъ количествомъ лампочекъ съ такимъ расчетомъ, чтобы, будучи поднята на фокъ-мачту, она могла включаться только горизонтально, только вертикально и обѣ линіи вмѣстѣ, крестомъ. Это были ночные опознательные сигналы. Сочетапія на каждую ночь опредѣлялись особой секретной инструкціей; приказалъ вахты нести по боевому, т. е. съ дежурной прислугой у орудій. На нашей обязанности лежалъ тщательный осмотръ всѣхъ германскихъ, австрійскихъ и итальянскихъ п/ходовъ, а также китайскихъ джонокъ. Съ послѣднихъ, особенно ночью, легко могли быть поставлены мины на подходахъ къ Владивостоку. Согласно этимъ распоряженіямъ, миноносецъ быстро былъ приведенъ въ нужную готовность и командѣ было разъяснено, въ чемъ дѣло и каковы наши задачи и почему. Надо отдать должное нашимъ прекраснымъ командамъ. На плававшихъ судахъ флотиліи наибольшій процентъ составляли малороссы. - часть была изъ Западной Сибири и часть изъ исключительно толковыхъ и удивительныхъ по цѣльности склада натуръ, уроженцевъ Сѣвернаго Урала, съ нашихъ Петровскихъ заводовъ.

Среди нихъ, нерѣдко, встрѣчались люди, отцы, дѣды и прадѣды которыхъ, изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, передавали искусство токарей по металлу, рѣзчиковъ, столяровъ, гранильщиковъ и т. д...

Неграмотныхъ были единицы при прибытіи новобранцевъ, но къ концу обученія, т. е. черезъ 3 мѣсяца, среди молодыхъ матросовъ уже и таковыхъ не оставалось.

Занимались съ ними офицеры, командированные съ кораб-

лей для обученія молодыхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, жившіе на своихъ же корабляхъ и несшіе наряды по экипажу и по кораблю. Было нѣсколько трудно подъ часъ съ дежурствами, но, т. к. всю эту службу несли молодые мичмана послѣднихъ выпусковъ, то и рвенія было много и сознаніе долга службы чувствовалось глубоко, а потому легко и переносилось.

По рекомендаціи этихъ же офицеровъ и отбиралось, для своихъ же судовъ, нужное число молодыхъ для заполненія вакансій на мѣсто ушедшихъ въ запасъ, а потому и составъ командъ дѣйствительно получался отборный въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Какъ всегда, на малыхъ судахъ, всѣ другъ друга отмѣнно хорошо знали, какъ команда своихъ офицеровъ, такъ и офицеры команду, а потому все понималось и проводилось въ жизнь быстро и хорошо, согласно полученнымъ приказаніямъ.

Подойдя къ о. Аскольду "Грозовой" уменьшилъ ходъ до 11 узловъ и, обойдя вокругъ острова, легъ на курсъ къ зал. Посьета, расчитывая покрыть половину разстоянія по линіи Аскольдъ-Посьетъ и повернуть обратно къ Аскольду въ тотъ моментъ, когда "Властный", отъ Посьета, начнетъ покрывать къ серединѣ вторую ея половину. Такимъ образомъ, оба миноносца "утюжили" малымъ ходомъ заливъ Петра Великаго, находясь другъ отъ друга въ 17-20 миляхъ, идя другъ другу какъ бы въ кильватеръ. Стояла дивная лѣтняя погода и въ морѣ было очень хорошо. Почти полный штиль. Луна. Чуть тянетъ легкій вѣтерокъ съ берега, неся ароматъ полевыхъ цвѣтовъ и сѣна. Горизонтъ чистый, въ открытомъ морѣ ни души.

И на мостикѣ и на палубѣ у орудій, у кочегарныхъ и машинныхъ люковъ, калякаютъ, гадая о будущемъ, не находя отвѣта, чего можно ждать. Слишкомъ ужъ мы далеки отъ Россіи и отъ всего того, что волнуетъ Европу. На вопросы команды, какъ самъ думаешь, отвѣчать трудно, т. к. невольно приходитъ въ голову кризисъ анексіи Босніи и Герцеговины — обошлось, Балканская война 1912 года — тоже обошлось и невольно приходишь къ мысли, что и сейчасъ навѣрно "обойдется". Отвѣчать же такимъ образомъ — тоже нельзя, т. к. все сведется къ "отбыванію номера" и, въ случаѣ реальной опасности, — возможный промахъ и тогда несчастье. Къ тому же, у насъ подъ бокомъ недавній врагъ, чисто по азіатски напавшій на насъ, нанесшій намъ пораженіе и хоть примирившійся съ нами, но надолго ли? Врагъ сильный, опасный. Онъ у себя дома, а мы съ ничтожными силами за тридевять земель отъ сердца страны. Поэтому и приходится давать отвѣтъ, что чтобы ни было въ Европѣ, нашъ долгъ быть на чеку, т. к. подъ бокомъ у насъ японцы, а что они будутъ дѣлать, если тамъ заварится каша — однимъ ихъ Штабамъ извѣстно, а мы должны быть готовы ко всему.

Повидимому, команда это усваиваетъ и что надо отмѣтить - на слѣдующій день, за обѣдомъ въ каютъ-компаніи, вспоминая разговоры минувшей ночи оказалось, что офицеры, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ данныхъ о положеніи вещей, дали свои разъяснения командѣ совершенно одинаково. И тутъ же выяснилось, что въ возможность большой войны не очень вѣрили.

Ночь прошла спокойно, если не считать, что въ проливѣ между о. Аскольдъ и бухтой Разбойникъ (такъ слегка тянулъ береговой бризъ) мы осмотрѣли полдюжины джонокъ, не несшихъ, конечно, изъ экономіи керосина, никакихъ огней. Остановили ихъ пушечнымъ холостымъ выстрѣломъ обѣщали вздуть и потопить, если будутъ ходить безъ огней и отпустили во Владивостокъ.

Грузъ — дрова.

Днемъ, передъ обѣдомъ, по собственной инициативѣ Ком-ра, вошли въ бухту Наѣздникъ (на о. Аскольдъ) и стали на якорь. К-ръ приказалъ мнѣ наладить связь съ маякомъ, пославъ на берегъ людей съ полевымъ телефономъ и сигнальщика.

Это была прекрасная мысль. Маякъ, расположенный на высокомъ юго-восточномъ мысѣ, могъ увидѣть, идущее съ моря судно миль за 20-25, а дымъ и за всѣ 40 и "Грозовой", стоя съ прогрѣтыми машинами, при малѣйшей тревогѣ, могъ въ 15 минутъ выйти въ нужномъ направленіи. Такимъ образомъ, это избавляло отъ лишней траты угля, топки котловъ держались чистыми и мы могли разсчитывать легко дать форсированный ходъ въ случаѣ необходимости. Съ заходомъ солнца снимались съ якоря и начинали "утюжить" поперекъ залива Петра Великаго, не забывая проливъ между о. Аскольдомъ и материкомъ. И каждую ночь одна и та же исторія — джонки подъ берегомъ и, конечно, безъ огней. Это надоѣло, да и надо было принять такія мѣры, которыя заставили "ходей" *) пантофельной почтой разнести слухъ, что мы шутить въ дальнѣйшемъ не будемъ. Поэтому, во вторую ночь, когда мы снова обнаружили около десятка джонокъ безъ огней, открыли прожекторъ, дали холостой, а затѣмъ, сейчасъ же, положили практическую 75''' гранату подъ носъ головной джонки.

Эфектъ, конечно, былъ и былъ намъ нужный. Огни были зажжены, джонки мы осмотрѣли, разобравъ на нѣкоторыхъ грузъ, а самое главное, "китаезы", объ нашей гранатѣ, конечно, оповѣстили своихъ коллегъ, а извѣщеніе К-щаго о полномъ запретѣ ночной навигаціи въ заливѣ Петра Великаго, разрѣшило нашу проблему въ нужномъ намъ смыслѣ.

17-го днемъ мы пробѣжали во Владивостокъ подгрузить уголь и запастись провизіей, и къ закату солнца снова были въ дозорѣ.

---

*) «Ходя» — работникъ, обычная кличка для китайца-простолюдина на Д. Востокѣ.

За всѣ эти дни приходилось осматривать и то рѣдко лишь джонки. Прошли два "добровольца" (Добровольнаго флота). Ихъ мы не трогали.

Наконецъ, 18-го, часовъ около 11 утра, въ бухтѣ Наѣздникъ, мы приняли съ маяка донесенiе, что на горизонтѣ дымъ и, повидимому, направляется къ о. Аскольдъ. Немедленно снялись и пошли навстрѣчу. Черезъ часъ обрисовался корпусъ парохода, тысячъ на 10 водоизмѣщенiемъ. По окраскѣ — нѣмецъ. Курсъ держитъ, повидимому, на Владивостокъ.

Такъ какъ моя очередь была ѣхать на осмотръ, то я и спросилъ К-ра, какъ мнѣ слѣдуетъ себя держать и что именно опрашивать. М. М. Кореневъ, крутя свой пышный, бѣлокурый усъ, отвѣтилъ: "Спросимъ куда идетъ, какой грузъ и будемъ симмулировать, что подходы къ Владивостоку минированы. Чортъ его знаетъ. Точныхъ у насъ инструкцiй нѣтъ, а потому будемъ втирать очки, по наитiю". (Въ дѣйствительности минныхъ полей поставлено не было).

Отвѣтивъ "есть", я отвалилъ на вельботѣ на "Спецiю" (пасс.-грузовой п/х. Гамбурго-Американской линiи), застопорившую машины по нашему международному сигналу и пушкѣ.

Поднявшись по штормъ трапу на бортъ п/х. съ унтеръ-офиц. и 2 матросами, я встрѣтилъ встревоженно-недоумѣвающiя лица двухъ помощниковъ капитана и нѣсколькихъ матросовъ. Пройдя на мостикъ, по англiйски спросилъ капитана, куда идетъ, зачѣмъ, и каковъ грузъ (а грузъ былъ швейныя машины) и получивъ отвѣтъ, что "Спецiя" идетъ во Владивостокъ, я тутъ же рѣшилъ предложить ему слѣдовать въ кильватеръ миноносцу, т. к. подходы заминированы, а самому вернуться на "Грозовой".

Капитанъ сильно перемѣнился въ лицѣ, повидимому, уже чувствуя, что то неладное, но такъ и не успѣлъ ничего больше спросить, т. к. я сейчасъ же спустился на вельботъ и вернулся на "Грозовой". Доложилъ К-ру. Тотъ покрутилъ усъ и сказалъ: "Да, такъ будетъ лучше всего. Будемъ втирать очки и поведемъ его за собой сами". Завыли сиреной. Дали ходъ и, убѣдившись что "Спецiя" слѣдуетъ за нами, легли (обогнувъ о. Аскольдъ почти вплотную) къ восточному берегу Уссурiйскаго залива, прошли миль 5 на сѣверъ, затѣмъ, пересѣкли заливъ. "Спецiя" точно слѣдуетъ за нами. Идемъ 10 узловымъ ходомъ. Подойдя къ западному берегу Уссурiйск. залива, тоже возможно ближе, легли на югъ и, у о. Скрыплева, отпустили "Спецiю" идти вглубь пролива въ портъ, а сами повернули въ море.

"Спецiя" — добрый грузовой п/х. и мы недоумѣвали, почему ее угораздило въ такой неясный, по политической обстановкѣ, моментъ, идти именно во Владивостокъ. Впослѣдствiи кое что разъяснилось — у ней была исправна лишь станцiя отправленiя, а прiемной,

кажется, и вообще не было. Вотъ почему она, такъ смѣшно и просто, попала въ наши руки.

Утромъ, 19-го, намъ на смѣну пришелъ эск. м. "Безпощадный" (кап. 2 р. А. А. Зиловъ), а мы, придя во Владивостокъ, приняли съ мачты Штаба сигналъ: "Погрузить уголь, принять провизію и приготовиться къ походу". То-же касалось и "Властнаго".

Около 18 час. снялись съ нимъ и, вступивъ ему въ кильватеръ, вышли въ море.

Выяснилось, что идемъ встрѣчать и конвоировать п/х. Добровольнаго флота "Нижній-Новгородъ", на которомъ шли (кажется 8 штукъ) 12-ти дюймовыхъ орудій въ 52 калибра длиной для вооруженія Владивостокской крѣпости и запасы снарядовъ и пороховъ.

Часовъ около 11 ночи встрѣтили "Нижній-Новгородъ". Шелъ онъ какъ плавучій ресторанъ, освѣщенный всѣми огнями и сверкая окнами рубокъ и иллюминаторовъ.

Около 3-4 час. ночи пришли во Владивостокъ и стали на свою бочку.

Спать оставалось мало; я вставалъ съ побудкой команды, чтобы присутствовать при утренней молитвѣ, а потому, не раздѣваясь, "заклинился въ койку" и моментально заснулъ.

Дежурнымъ офицеромъ былъ мичманъ Г. В. Васильевъ.

Просыпаюсь отъ стука въ дверь каюты, срывающійся голосъ вахтеннаго докладываетъ: "В.В., такъ что на "Аскольдѣ" поднятъ сигналъ — Германія объявила намъ войну".

Первое мгновеніе подумалъ, что еще сплю и это во снѣ. Потомъ отвѣтилъ: "Врешь!" "Никакъ нѣтъ! Такъ что сигналъ еще не спущенъ, потому не всѣ разобрали". Крикнувъ: "доску" (сигнальщики записываютъ сочетаніе флаговъ и значеніе сигнала на грифельную доску), пулей вылетѣлъ изъ каюты на верхнюю палубу. Было 5 час. 30 мин. утра. Сигналъ еще висѣлъ и его репетовали флагманы дивизіоновъ и мачта Штаба.

Со мной рядомъ былъ Г. В. Васильевъ и почти всѣ унтеръофицеры миноносца. (Ихъ помѣщеніе было въ кормѣ за офицерскимъ отсѣкомъ). Хотя побудка, изъ за ночного похода была назначена на 6 час. утра, — почти вся команда высыпала на палубу. Тоже было и на сосѣднихъ миноносцахъ.

Провѣрилъ сигналъ самъ. Сомнѣній никакихъ. Что чувствовалось? Да, надо немедленно подавать рапортъ о переводѣ въ Балтику. Вотъ эта мысль была, кажется, и единственной. Спустился въ каютъ-компанію. Черезъ нѣсколько минутъ, всѣ мы были въ сборѣ (лейт. М. М. Кореневъ, я, мичманъ Г. В. Васильевъ, инж.-мех. мичм. Н. Д. Ивановъ и подпор. артилл. Ожимковъ, плававшій у насъ всю кампанію). Достали бутылку марсалы (установленнаго "флотскаго об-

разца", т. е. Florio) и выпили за успѣхъ войны и побѣду. Чувствовалось, что мы какъ то еще не осязаемъ ошеломляющей новости. Потомъ, какъ часто бываетъ у людей, живущихъ подолгу тѣсно вмѣстѣ, у всѣхъ одновременно мелькнула мысль: "А какъ же "Специя"? Вѣдь только позавчера мы привели ее во Владивостокъ! И, чуть ли не въ одинъ голосъ, мы стали говорить о ней и расхохотались надъ общностью мысли.

Въ 8 час. утра, 20 іюля 1914 г., на "Специи" былъ поднятъ русскій флагъ, а нѣсколькими днями позднѣе военно-транспортный и она была зачислена въ военный флотъ подъ именемъ транспортъ "Сучанъ" (по названію Сучанскихъ угольныхъ копей).

Со "Специи" нашимъ "призомъ" были: (Съ разрѣшенія К-щаго флотиліей) лампа "Юніонъ", нѣсколько паяльныхъ лампъ для нашихъ "духовъ", кое какіе машинные инструменты для нихъ же и 4 ящика отличнаго пива. Вотъ и все что мы получили. Между тѣмъ, вотъ что происходило во Владивостокѣ за эту недѣлю:

Вся флотилія была приведена въ полную боевую готовность. Увольненіе офицеровъ и командъ на берегъ разрѣшалось лишь до 8 ч. веч. Къ минамъ были приняты боевыя зарядныя отдѣленія, сданъ практическій и принятъ, до полнаго, боевой комплектъ снарядовъ. (20-го іюля то-же сдѣлали и мы). Всякое движеніе по бухтѣ, съ наступленіемъ темноты, совершенно было прекращено. Всю ночь рейдъ патрулировался катерами, вооруженными 47''' орудіемъ и пулеметами, какъ внутри бухты, такъ и въ проливѣ Восточный Босфоръ. Миноносцы обоихъ дивизіоновъ, за исключеніемъ насъ и "Властнаго", ежедневно выбѣгали въ море на минныя постановки, а мы ждали своей очереди идти въ дозоръ, когда, кажется, 23-го вечеромъ, были развезены секретные пакеты и оба дивизіона, по сигналу съ "Аскольда", приготовились къ походу къ 8 час. веч. Погода была очень плохая. Изъ "Гнилого Угла" дулъ почти штормъ и мы недоумѣвали: "Въ чемъ дѣло? Какъ 2-ой дивизіонъ (малые "Сокола" и "Тэки") сможетъ выйти въ море?" Тѣмъ не менѣе, закрѣпивъ все, кромѣ орудій, по походному и по штормовому, въ 20 час. вышли въ Уссурійскій заливъ съ нашимъ дивизіономъ, имѣя головнымъ "Властный" (брейдъ-вымпелъ). Вскрыли на траверзѣ о. Скрыплева пакетъ. — "Квадратъ №..." и поясненіе: "Эмденъ" гдѣ-то въ Японскомъ морѣ, вблизи Владивостока. Атаковать, если встрѣтимъ. Черезъ 5 минутъ, измѣнивъ курсъ на назначенное намъ мѣсто, стали зарываться въ волну такъ, что не только бакъ, но и носовое 75''' орудіе цѣликомъ уходило въ воду, поливая каскадами верхній мостикъ и валять стало изрядно. Пришлось прислугу носовой пушки держать подъ мостикомъ и, тамъ-же, 10 первыхъ фугасныхъ патроновъ. Минные аппараты развернули по одному на бортъ (на случай внезапной встрѣчи вплотную).. Прислугу аппаратовъ держали подъ прикрытіемъ средняго мостика. Съ протянутыми штормовы-

ми леерами, заваленными внутрь шлюпками, развернутыми по траверзамъ аппаратами, по палубѣ пройти было невѣроятно трудно. А тутъ, еще, кренометръ, рзсчитанный на кренъ въ 50°, временами показывалъ не только предѣлъ, но маятникъ просто лежалъ еще нѣкоторое время на борту, пока кренъ все еще увеличивался и затѣмъ бодро катился обратно продѣлать тоже на другомъ борту. Ночь была очень темная и бурная, лишь чуть свѣтилась пѣна, окружавшая миноносецъ.

Обойдя миноносецъ и убѣдившись, что все въ нужномъ порядкѣ, предупредивъ людей, чтобы зря на палубѣ не болтались и внимательно слѣдили о недопускѣ свѣта наружу, прошелъ на мостикъ. Командиръ сказалъ, что онъ проведетъ на мостикѣ всю ночь, а мнѣ предложилъ раздѣлить съ мичм. Васильевымъ ночь пополамъ. Мы категорически отказались и рѣшили быть, какъ и К-ръ, на своихъ мѣстахъ: я при орудіяхъ, онъ при аппаратахъ.

Намъ достался самый дальній квадратъ, миль за 50 отъ Владивостока, и мы къ нему подошли лишь къ полуночи. Стали бродить по квадрату со стороною 5 миль, опасаясь, выйдя изъ него и встрѣтясь съ кѣмъ-либо изъ своихъ сосѣдей, того и гляди, въ темнотѣ, разрядить по нему свои аппараты. Тяжело было особенно на поворотахъ, когда миноносецъ ложился такъ, что того и гляди больше не встанетъ. Смотрѣли во всѣ глаза, во всѣ стороны, но, кромѣ свѣтящихся гребней валовъ, ничего не видѣли. Съ неба сыпалась какая то мразь, ни зги кругомъ, низкія тучи и заливаетъ нещадно. Люки всѣ наглухо задраены, но вода во внутреннія помѣщенія все же проникала. Въ общемъ, встрѣть насъ тогда “Эмденъ” на разстояніи — разстрѣлялъ бы насъ шутя, а если вплотную, внезапно, на одинъ кабельтовъ, могъ бы самъ получить мину въ бортъ.

Болтались до разсвѣта, когда получили радіо: “вернуться”. Къ 9 час. уже стояли на своей бочкѣ во Владивостокѣ. На слѣдующій день, съ подъемомъ флага, подошелъ ко мнѣ боцманъ, стр. боцманматъ Михайловъ и доложилъ: “В. В. надо Семену морду набить”. *) Я спросилъ “почему?” — “А такъ что, когда артельщикъ съ берега возвращался и ждалъ шлюпку, такъ “Семенъ” издѣвался надъ матросомъ военнаго флота и, проходя мимо пристани на своей шампунькѣ, кричалъ: “сикоро русски люди рака кушай будетъ и русски парохода ломайло, а потомъ, В. В., китайцы, на базарѣ, лавки продавать стали”... Я, конечно, согласился, что надо “Семена” проучить и предоставилъ боцману право распорядиться. Уже въ тотъ же вечеръ боцманъ “распорядился”. На нашемъ вельботѣ догналъ “Семена” и думаю, навсег-

---

*) А “Семенъ” былъ китаецъ - шампуньщикъ (яличникъ); капитанъ всѣхъ “юли-юли” во Владивостокѣ и настоящее его имя было Си-Міунъ, конечно, передѣланное командой въ “Семенъ”.

да отбилъ у того охоту "высказываться о текущемъ моментѣ". Извѣстно было только, что "Семенъ" дня три пластомъ лежалъ и ничего не могъ ѣсть.

26-го вечеромъ, когда мы еще не кончили нашего двухсуточнаго дозора, насъ неожиданно смѣнилъ "Кап. Юрасовскій", а мы, придя во Владивостокъ, съ утра стали принимать уголь до самаго максимальнаго запаса. Ясно, что пахло интересной операціей, т. к. приказано было принять провизіи на 5 дней, а сухой на 2 недѣли, свезти все лишнее и быть готовыми къ походу къ 8 вечера 27-го. Съ нами шли: "Властный", "Безпощадный" и "Лейт. Сергѣевъ" (т. е. два "француза" и двѣ "нѣмки" (Шихау). Мы погрузили 82 тонны угля, забивъ всѣ ямы, включая запасную (для матеріаловъ), завалили кочегарки и около 80 мѣшковъ установили подъ люки навѣсной палубы. Это пахло уже опытомъ 2-ой Тихоокеанской эскадры. Пары было приказано имѣть во всѣхъ котлахъ (и это было ошибкой, котор., позднѣе, читатель увидитъ самъ). Около 19 час. 30 мин. нашъ флагъ офицеръ, мичманъ кн. Ю. Н. Волконскій, доставилъ на катерѣ съ "Аскольда" намъ всѣмъ секретные пакеты. Вскрыть должны были въ морѣ. Въ 20 час. снялись и пошли къ кошкѣ Токаревскаго, т. е. въ Амурскій заливъ. Съ судовъ неслись пожеланія "ни пуха, ни пера", "счастливаго плаванія" и т. п. Головнымъ "Властный" (ст. лейт. Г. И. Александровъ, бр.-вымп. Кап. 1 р. Н. Н. Совинскаго), потомъ "Грозовой" (лейт. М. М. Кореневъ), за нимъ — "Безпощадный" (кап. 2 р. А. А. Зиловъ) и концевымъ — "Лейт. Сергѣевъ" (лейт. Б. Н. Чернай).

Погода была отличная. Имѣя пары во всѣхъ котлахъ, было легко, безъ факеловъ, держать ровный 18-ти узловой ходъ. Наши на "Грозовомъ" кочегарные унт.-оф. Сметанкинъ и Печонкинъ, оба сверхъсрочные, мои старые соплаватели за 1½ года до этого на м-цѣ "Инж. м. Анастасовъ", выдраили своихъ кочегаровъ въ отношеніи "факеловъ" очень надежно, чему очень помогло приложеніе (когда было надо) унт. офицерской цѣпочки къ мѣсту пониже спины.

Быстро добѣжали до м. Брюсса и повернули далѣе на зюйдъвестъ, идя миляхъ въ 10 отъ берега. Шли, конечно, безъ огней. Сплававшіеся миноносцы держали строй хорошо, но вахтенные начальники "смотрѣли въ оба" за разстояніемъ (вѣдь мы несли свой бушприхтъ почти на отводѣ "Властнаго"). Къ разсвѣту отошли отъ береговъ миль на 20, держась параллельно имъ. Около 4-5 час. дня пришли на параллель Гензана и застопорили машины, а "Властный" пошелъ вглубь залива. Черезъ 1½-2 часа онъ вернулся и, держа на стеньгѣ "единицу" (строй кильватера), повернулъ на зюйдъ-остъ. Ходъ 18 узловъ. Погода продолжала быть хорошей. Наше настроеніе стало повышаться: вѣдь мы идемъ къ Корейскому проливу, къ Цусимѣ! А вдругъ пройдемъ въ Китайское море и присоединимся къ англичанамъ для осады Цин-

тао? Это были мечты, но мечты увлекательныя. Днемъ вахты были нормальныя, но, со спускомъ флага, переходили на боевыя смѣны. Курсъ все тотъ же зюйдъ-остъ. На третьи сутки похода я стоялъ на вахтѣ съ 4 до 8 утра, на "Властномъ" лейт. В. Н. Порозовъ. Часовъ около шести "Властный", вдругъ, внезапно застопорилъ машины и поднялъ шары "на стопъ" (указатели хода). Такъ какъ я не спускалъ съ него глазъ, то моментально сдѣлалъ тоже и, тотчасъ, увидѣлъ причину нашего "форсъ мажора". Мы пронеслись черезъ стоящія на плоскихъ поплавкахъ рыбачьи сѣти, и это въ 15 миляхъ отъ берега! Сѣти, конечно, порвали, но, благодаря маневру лейт. Порозова, на винты ничего не намотали и "барьеръ" взяли благополучно. Съ 7 часовъ начался обычный "утренній рапортъ" (о количествѣ угля, воды и пр.) Мы показали, кажется, 58 тоннъ, тогда какъ "нѣмки": "Безпощадный" и "Лейт. Сергѣевъ" дали рапортъ о 26 и 19 тоннахъ. Долго "Властный" не поднималъ отвѣтнаго "ясно вижу" до мѣста, какъ бы приглашая провѣрить правильность свѣдѣній, но фактъ остался фактомъ: 36 часовъ похода, при парахъ во всѣхъ котлахъ, съѣли у Шихау 2/3 ихъ запасовъ угля! Вскорѣ послѣ подъема флага, на "Властномъ" взвился сигналъ "Люди" (Л — поворотъ влѣво) и мы повернули на 180°, проклиная заводы Шихау. Насколько раньше насъ окрыляла надежда на возможность боевой операціи, настолько теперь все настроеніе упало. Лишь "женатики" повеселѣли.

Сбавили ходъ до 16 узловъ.

Послѣ полудня небо стало затягиваться тучами, какъ бы въ унисонъ мичманскому настроенію. Къ заходу солнца уже дулъ сырой, все свѣжѣющій нордъ.

Въ эту ночь я долженъ былъ стоять "собаку" (вахта съ 12 до 4 ночи), а потому, послѣ вечерней молитвы, легъ спать не раздѣваясь.

Съ боемъ склянокъ былъ на мостикѣ. Все небо было покрыто тяжелыми, быстро несущимися тучами, сквозь просвѣты коихъ иногда сверкала луна. Склонившись надъ картой, я принималъ мѣсто отъ мичмана Васильева, когда, вдругъ, услышалъ сдавленный голосъ сигнальщика "В. В. смотрите — крейсеръ". Въ полумилѣ отъ насъ, слѣва, контра-курсомъ, безъ единаго огня, шелъ трехътрубный крейсеръ съ чуть наклонными трубами. Онъ ясно былъ видѣнъ на фонѣ лунной дорожки, тогда какъ мы были отъ него въ темной части горизонта. Что тутъ было?! Я видѣлъ, какъ мой комендоръ носового орудія, съ неимовѣрной быстротой, наводилъ его на цѣль, а за спиной слышалось шуршаніе поворачиваемаго второго аппарата (стояли враздрай на оба борта). М. М. Кореневъ стоялъ на ручкахъ телеграфа, очевидно ожидая маневра "Властнаго". Это были секунды, но время тянулось долго. Казалось, что безъ команды чихнутъ аппараты, а за ними сверкнутъ

пламенемъ и орудія. Вотъ крейсеръ ужъ на траверзѣ. Еще мгновеніе — и моментъ будетъ упущенъ. И вдругъ, съ "Властнаго" замигалъ зеленый "Ратьеръ" и М. М. Кореневъ скомандовалъ "право руля". Въ сердцахъ, не понимая происходящее, я рванулъ и оборвалъ ремень своего Краусса. "Михаилъ Михайловичъ, что же это?" "Самъ ничего не понимаю, но, начальство отвѣчаетъ". отвѣтилъ командиръ. Минутъ черезъ 15 мы приняли по мегафону голосомъ: "считаю, что это былъ японецъ. Передайте по линіи". И только тутъ я, который, казалось, такъ хорошо зналъ флоты по всѣмъ справочникамъ и Джэна и Ташенбухъ и Брассей, вспомнилъ характерные марсы "Якумо". Это какъ разъ онъ и былъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, равно какъ и то, что онъ насъ такъ и не замѣтилъ. Чтобы было, если бы кап. 1 р. Н. Н. Совинскій воспринялъ бы мичманскія ощущенія и атаковалъ? Вѣдь насъ было 4 съ 8 минными аппаратами!

Вернулись во Владивостокъ. "Аскольдъ" и "Жемчугъ" вскорѣ ушли на югъ. Японія выступила противъ Германіи. Мы совсѣмъ пали духомъ изъ за нашей ненадобности и отдаленности отъ Петербурга. Въ мичманской средѣ возникла мысль просить о переводѣ нашего 1-го дивизіона въ Средиземное море. Уговорили Начальника Дивизіона разрѣшить составить записку, основываясь на опытѣ перехода "Властнаго" и "Грозового" изъ Франціи въ Портъ-Артуръ передъ Японской войной. Работали много, больше всего, попало инженеръ-механикамъ. Составили. Съ разрѣшенія К-щаго, к.-адм. М. Ф. фонъ Шульцъ, записка была вручена кап. 1 р. Плотто, ѣхавшему изъ Америки въ С. Петербургъ, для представленія Министру. Въ 1916 году походъ этихъ миноносцевъ состоялся и даже не въ Средиземное, а въ Бѣлое море, причемъ "Грозовой", у сѣверной Норвегіи, артиллерійскимъ огнемъ, потопилъ германскую подводную лодку "Y-56",*) но, задолго до этого, я былъ уже въ Черномъ морѣ, а потомъ въ Балтикѣ.

*) Огнемъ 75 мм. орудій, насколько знаю, управлялъ лейт. С. Бутвиловскій.

Генералъ-отъ-инфантеріи А. Я. Ельшинъ.

НА СУШѢ И НА МОРѢ. *)

(Продолженіе).

Глава 3.

ДѢЛУ ВРЕМЯ, А ПОТѢХѢ ЧАСЪ.

Среди серьезной школы, бывали въ Училищѣ и забавныя занятія, доставлявшія намъ не малое "хореографическое" удовольствіе.

Изъ Петербурга, по средамъ, пріѣзжалъ въ Училище, далеко не молодой изящный джентльменъ, артистъ Императорскаго театра, обаятельный Гельцеръ, желанно привѣтствуемый всѣми воспитанниками. Квинтетъ, командируемый къ его пріѣзду изъ Струннаго оркестра Кронштадтскаго Портоваго Хора, настроивъ свои инструменты, уже готовъ, по знаку этого чародѣя, ударить въ смычки и плавными темпами подсоблять намъ выдѣлывать первоначальныя "позиціи" балета, для постепеннаго перехода къ салоннымъ танцамъ: польки, вальса, кадрили и, наконецъ, апофеозъ... "мазурка".

Въ порывахъ нагляднаго обученія, самъ Гельцеръ нерѣдко мѣтко утрировалъ, изображая неописуемыя козлиныя "па" неуклюжихъ вальсеровъ и мазуристовъ, подъ такой общій хохотъ, что музыка иногда прекращала игру.

Печальная участь выпадала на флегматиковъ и малоуспѣшныхъ: они ограничивались болѣе легкими дамскими амплуа, изображая дамъ въ танцующихъ парахъ, во время танцовальнаго обученія. Въ концѣ учебнаго сезона, ужъ многіе кавалеры недурно стали проявлять свое искусство, не въ примѣръ своимъ "дамамъ". Во время мазурки, Гельцеръ становился въ центрѣ и, пропуская "справа по два" колонну мазуристовъ вокругъ себя, опредѣленно намѣчалъ наиболѣе граціозную пару, достойную возглавлять всю колонну, несущуюся въ вихрѣ бравурнаго танца. Попасть въ такой "случай", если при этомъ былъ налицо и дирижерскій стажъ, совсѣмъ было не безполезно въ тѣ времена въ Кронштадтѣ. Во всѣхъ семьяхъ, гдѣ собирается молодежь, такому гостю всѣ рады, а на балахъ и вечерахъ, гдѣ дѣло доходитъ до рѣшительнаго котильона, вся грудь его была украшена блестящими орденами, приколотыми восхитительными пальчиками, завладѣвшими сердцемъ вплоть до слѣдующаго училищнаго бала, 6-го Декабря.

---

*) См. «Морскія Записки», т. II, стр. 286.

Кто можетъ забыть свой родной Училищный Праздникъ, въ День Святителя Николая, Мирликійскаго Чудотворца, День Тезоименитства Императора, основавшаго Училище, и Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича?

За недѣлю до праздества, питомцы училища заняты художественнымъ убранствомъ столоваго зала, единственнаго большого помѣщенія, гдѣ проходили всѣ торжественные дни въ Училищѣ; примыкающіе классы превращаются въ уютныя гостинныя, зимніе сады, чайные домики, вездѣ сервируются чайные столы, буфеты съ прохладительными напитками. Въ концѣ столовой возвышается эстрада для струннаго оркестра, а въ окнахъ свѣтовые эффекты подводной фауны. Въ проэкціонной комнатѣ корабельщиковъ устраиваются гроты и бьютъ освѣжающіе воздухъ фонтаны.

Въ День Праздника, у Обѣдни въ Училищномъ Храмѣ, стоитъ Училищный Баталіонъ, правѣе виденъ весь офицерскій Училищный составъ, лѣвѣе семьи его и бывшіе питомцы Училища. Впереди, у праваго клироса, постепенно появляется Адмиралитетъ Кронштадта, съ маститымъ Генералъ-Адъютантомъ Его Императорскаго Величества, Адмираломъ П. В. Козакевичемъ, во главѣ. Чинно и внятно совершается Богоослуженіе нашимъ Законоучителемъ, Отцомъ Протоіереемъ Преображенскимъ, и величаво-стройно поетъ Училищный нашъ Хоръ. Величественныя Многолѣтія Благочестивѣйшему, Самодержавнѣйшему Великому Государю Нашему, Императору Александру Александровичу Всея Россіи, Супругѣ Его Благовѣрной Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, Наслѣднику Его Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу, Царствующему Дому, Христолюбивому Воинству Ихъ и Училищу, — всколыхнули наши юныя сердца — служить вѣрою и правдою Царю и Отечеству.

Оффиціальное торжество состоялось въ историческомъ столовомъ залѣ, со стѣнъ котораго, изъ золотыхъ рамъ, строго глядѣли на насъ всѣ прежніе Начальники Училища, въ парадной формѣ, расшитой то золотомъ, то серебромъ, а золотыя имена и фамиліи прежнихъ питомцевъ Училища, начертанныя на мраморныхъ доскахъ, говорили объ ученой ихъ славѣ въ Училищѣ.

Поздравивъ Училище съ праздникомъ, Генералъ-Адъютантъ Козакевичъ возгласилъ Здравицу Державному Вождю, Государю Императору!... Дрогнуло все отъ мощнаго Ура, покрывавшаго торжественные звуки хора "Боже Царя Храни!"

Дружнымъ Ура!... встрѣчались здравицы Августѣйшему Генералъ-Адмиралу Флота, Великому Князю Алексѣю Александровичу, Управляющему Морскимъ Министерствомъ, всему Училищу и отвѣтную здравицу Генералъ-Адъютанту Козакевичу, провозглашенную Начальникомъ Училища.

За праздничнымъ обѣдомъ 6-го Декабря, фигурируетъ традиціонный гусь съ яблоками, въ неограниченныхъ порціяхъ, послѣ чего сразу надо готовиться къ грандіозному балу. имѣя при себѣ бѣлоснѣжныя замшевыя перчатки и росписаніе всѣхъ танцевъ съ отмѣтками, — кто и съ кѣмъ танцуетъ кадрили, мазурку, котильонъ и даже легкіе танцы, чтобъ ни одна барышня не осталась безъ кавалера и на балу веселилась.

Въ 9-мъ часу вечера, къ драпированному парадному подъѣзду (у астрономическихъ часовъ), подкатываетъ безконечная вереница саней, высаживающихъ гостей, закутанныхъ въ ротонды и шубы, встрѣчаемыхъ бравымъ швейцаромъ, разодѣтымъ въ придворную ливрею и съ булавой въ рукахъ. Среди гостей, видны офицеры недавнихъ выпусковъ, кадеты и гардемарины Морского Корпуса, получившіе спеціальные отпуски на этотъ балъ.

Разукрашенный залъ, освѣщенный огнями люстръ и канделябръ, сразу оживаетъ, подъ непрерывнымъ потокомъ эфирныхъ свѣтлыхъ туалетовъ, очаровательныхъ личиковъ, блеска золотыхъ и серебрянныхъ эполетъ и, всюду поспѣвающихъ имъ навстрѣчу, жизнерадостныхъ юношей, затянутыхъ въ черные мундирчики, съ серебряными петличками и бархатными погонами, окаймленными краснымъ кантомъ и узкой полоскою серебра.

Съ явленіемъ Главы "Петровскаго Окна въ Европу", притихли звуки говора, раздалось "Боже Царя Храни" съ эстрады струннаго оркестра, непревзойденнаго въ мірѣ *), военнаго Хора Кронштадтскаго порта, вторившаго пѣнію сего Священнаго Гимна тысячью голосовъ гостей и хозяевъ.

Балъ начался полонезомъ изъ "Жизни за Царя", въ коемъ и старъ и младъ спокойно могъ принять пріятное участіе. Затѣмъ пошли кадрили, чередуясь съ легкими танцами, которые тогда были далеко не легкими: рѣзвыми польками и головокружительными вальсами, со скоростью нынѣшнихъ фордовъ, можно было бы зарѣзать всѣхъ нынѣшнихъ полуспящихъ танцоровъ. Да и въ наше время многіе, со страхомъ глядя на росписаніе танцевъ, вздыхали иногда: какая сила могла одолѣть такую танцовальную программу?... дотянуть-бы до 3-ей кадрили, танцуемой "по любви", послѣ чего и стушеваться. Но не дремали лихіе дирижеры, варьируя антрактами съ чаемъ, тортами, сластями, пирогами, оршадами и лимонадами въ шумныхъ гостинныхъ и уютныхъ гротахъ, давали всѣмъ перевести духъ и вновь пуститься въ страстные галопы и перемѣны дамъ, въ забавныхъ выборахъ кавалеровъ, посредствомъ накалыванія имъ танцевальныхъ орденовъ и

---

*) Постановка хора обязана знаменитому таланту Направника, сдѣлавшагося потомъ дирижеромъ Опернаго Оркестра Императорскаго Маріинскаго театра.

звѣздъ. Въ четвертомъ часу ночи замѣтили, что программы никакъ не кончить, если суровое начальство не перемѣнитъ гнѣвъ на милость. Но трудно удержать пылъ своей любимой молодежи?!... и догоравшія свѣчи быстро смѣнили новыми свѣчами, горѣвшими чуть-чуть не до утра.

Какъ трудновато было, послѣ такого феерическаго счастья, войти опять въ колею серьезнѣйшихъ занятій, какъ не легко было такъ скоро забыть голубенькіе глазки, карія очи и назначенныя свиданія, то въ Петербургѣ, то на каткѣ Итальянскаго пруда (съ музыкой) противъ самаго Училища, то скромно проводить ихъ домой послѣ всенощной въ Андреевскомъ Соборѣ.

Навстрѣчу завѣтныхъ обѣщаній летѣли коротенькіе отпуски и незамѣтно подходило Рождество, когда возможно было развернуться шире.

Большинство стремилось въ Петербургъ, укорачивая отпускъ на 6 часовъ, затрачиваемыхъ на переѣзды, особенно зимой на саняхъ, до Ораніенбаума, а дальше по желѣзной дорогѣ. Намъ въ училищѣ разсказывали, какъ однажды, въ страшную мятель, весь поѣздъ пассажировъ, возвращавшихся изъ Петербурга, буря снесла въ море, а на другой день ихъ раскапывали и хоронили на Кронштадтскомъ кладбищѣ въ теченіи недѣли.

Во время святокъ мы часто жалѣли, что сгорѣлъ нашъ морской театръ въ Кронштадтѣ; обгорѣлое зданіе его торчало на виду у всѣхъ и было огорожено досками, вплоть до самой революціи, не войдя въ морскую смѣту. Подробности этого трагическаго случая очень назидательны въ жизни и заслуживаютъ отдѣльнаго повѣствованія.

Рождественскія святки въ Кронштадтѣ проводились молодежью весьма оригинально, какъ ни въ одномъ городѣ въ Россіи. Да и почтенный "капитанскій рангъ" охотно шелъ навстрѣчу своему юному поколѣнію.

Вечерній праздничный сезонъ, начиная со второго дня Рождества, вплоть до Крещенскаго сочельника, насыщенъ семейными костюмированно - маскированными вечерами. Повсюду секретно шьются затѣйливыя маскарадныя платья, а въ городѣ къ услугамъ нашимъ склады, гдѣ можно напрокатъ получить удивительные наряды и костюмы, начиная отъ скромныхъ домино до, всѣхъ цвѣтовъ, трико испанскихъ гитаристовъ всѣхъ временъ, народовъ, рыцарей крестовыхъ походовъ и даже неразлучныхъ сіамскихъ близнецовъ.

Сговаривались маскированныя компаніи кавалеровъ и барышень, не безъ участія въ нихъ надежнаго надзора.

Въ домахъ двѣ свѣчи на окнѣ говорятъ огнями, что въ домѣ принимаютъ "маски", хотя заранѣе всѣ знаютъ, — гдѣ въ эту ночь будутъ рады ряженымъ. Радушные хозяева, прежде всего, просятъ погрѣться за чашкой чая, а маскамъ больше нравится... согрѣться тан-

цами, другихъ лукавый мучитъ заинтриговать намѣченную жертву намеками, загадками и даже тайнами изъ прошлой жизни такъ, чтобъ замороченная жертва разгадывала-бы до разсвѣта: откуда маска знаетъ его интимныя дѣла?...

Наблюдавшимъ наши потѣшныя забавы, пожалуй, приходило въ голову, что мы готовились въ штатные весельчаки общества, обычно халатно относившіеся къ серьезному труду, межъ тѣмъ такія развлеченія служили лишь приваломъ на маршѣ къ необходимымъ знаніямъ.

Такъ, на одной десантной стрѣльбѣ, нашимъ курсомъ замѣчено было необычайное разсѣяніе шрапнельныхъ взрывовъ, обнаружившее несовершенство дистанціонныхъ трубокъ; въ мишеняхъ ни одной пробоины... поговорили, поговорили и больше ничего. Послѣ плаванія, въ Морской Библіотекѣ попался подъ руку La Revue Maritime et Coloniale; въ немъ было описаніе и рисунки новой трубки Бердана, основанной на числѣ оборотовъ снаряда, дѣлаемыхъ во вреся своего полета. Вычертивъ кривую времени полета соотвѣтственно числу оборотовъ снаряда и, замѣтивъ, что точность взрывовъ при этой трубкѣ на много превосходитъ точность горѣнія нашей примитивной дистанціонной трубки, я рѣшилъ послать о семъ замѣтку въ "Морской Сборникъ" на усмотрѣніе редактора. Вскорѣ въ Училищѣ пошелъ слухъ, что мой однофамилецъ что-то пишетъ въ "Морскомъ Сборникѣ". Когда автора обнаружили, то ротный командиръ, похваливъ замѣтку, немилосердно распекъ за выступленіе въ печати, безъ разрѣшенія начальства.

Но меня ожидала неожиданная радость; изъ редакціи за мою первую военную статью прислали приличный гонораръ, давшій поводъ надѣяться, что у меня теперь будетъ не только "время дѣлу", но и бюджетъ для "потѣхи часа".

Не только обученіемъ, но и любимымъ развлеченіемъ была у насъ стрѣльба на морскомъ стрѣльбищѣ, гдѣ виталъ духъ непобѣдимаго стрѣлка и славнаго артиллериста, Штабсъ-Капитана Захарченко, который обстрѣлялъ спортсменовъ гвардіи на Семеновскомъ стрѣльбищѣ, въ Петербургѣ. Былъ случай, — превратился онъ въ стрѣлка міровой извѣстности, во время плаванія у береговъ Испаніи, когда каютъ-компанія получила Королевское приглашеніе принять участіе въ знаменитомъ Стрѣлковомъ празднествѣ, на который, разъ въ пять лѣтъ съѣзжаются лучшіе стрѣлки Европы.

"Впервые я смутился", разсказывалъ потомъ Шт. Кап. Захарченко, "въ непривычной обстановкѣ стрѣлять изъ чуждой мнѣ винтовки, но наступившій вѣтеръ выручилъ меня. Уронивъ фуляровый носовой платокъ, я примѣтилъ, — насколько отнесло его по вѣтру и, принявъ поправку, выбилъ первый призъ". Оваціи не было конца. Его Ко-

ролевское Величество вручилъ ему призъ и званіе почетное "1-го стрѣлка въ Испаніи". Много подарковъ навезли въ каютъ-компанію и чествовали до разсвѣта.

. Не меньшимъ удовольствіемъ была практика въ мастерскихъ артиллерійскихъ и Пароходнаго завода, и особенно, въ Морской Лабораторіи. Лучшія работы были выставлены въ Музеѣ Училища, а лабораторныя издѣлія фигурировали на фейерверкахъ Петергофскаго рейда, во Дни Тезоименитствъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Глава 4.

Тяжела морская служба на сухомъ пути.

По окончаніи Училища въ 1886 году, я былъ выпущенъ во 2-й Флотскій, Ея Величества Королевы Эллиновъ, Экипажъ.

Какъ только былъ въ Училищѣ полученъ Высочайшій Приказъ отъ 29 Сентября, мгновенно мы облачились въ блестящіе мундиры, среди которыхъ выдѣлялись 6 мундировъ, артиллерійскихъ, съ золотымъ шитьемъ. Вскорѣ наша родная Училищная Церковь заполнилась новымъ выпускомъ, съ Училищнымъ Начальствомъ во главѣ.

Послѣ торжественнаго Молебствія и Присяги, — служить Вѣрою и Правдою Царю и Отечеству, до послѣдней капли крови, насъ всѣхъ поочередно, сердечно и радостно привѣтствовали Начальникъ Училища, всѣ Ротные Командиры и Училищные Офицеры. Настала трогательная минута, когда мы предоставлены были на наше собственное усмотрѣніе. Прямо изъ Церкви, птенцы ихъ сразу разлетѣлись во всѣ стороны, къ роднымъ и близкимъ, а я на пароходъ "Заря", къ своей невѣстѣ въ Ораніенбаумъ.

День выпуска не отличался шумными пирушками. Не знаю, какъ было въ Петербургѣ, но въ Кронштадтскихъ сферахъ носились слухи, что въ мѣстномъ циркѣ вся публика задушевно отпраздновала производство двухъ корабельныхъ инженеровъ. Они объединились въ первомъ ряду, передъ ареной, когда восемь дюжихъ парней, наряженныхъ во фраки, внесли на арену двѣ большія наковальни, раскланялись и удалились. По программѣ, на этихъ наковальняхъ, комическіе виртуозы должны были молотками акомпанировать себѣ и пѣть маршъ "Кузнецы", а юнымъ инженерамъ хотѣлось пить. Чтобъ не упустить такой симфоніи, они, недолго думая, взяли подъ мышки по наковальнѣ и ушли ,точно съ портфелями, въ буфетъ. Про нихъ давно въ училищѣ шелъ упорный слухъ, — будто нечаянно одинъ убилъ кулакомъ ло-

шадь, а другой носилъ подъ мышкой вельботъ. Публика неистоствовала отъ хохота, а когда увидѣла, что восемь мужиковъ, уже безъ фраковъ, еле несутъ назадъ наковальни и, понуря головы, идутъ за ними концертанты съ молотками, публика не выдержала... и, съ ревомъ "ур-р-ра", забывъ совсѣмъ концертъ, бросилась въ буфетъ почтить богатырей, могучихъ русскихъ инженеровъ. Всѣ молодые офицеры, кромѣ обычныхъ занятій въ Экипажѣ, наряжались поочередно Помощниками Дежурныхъ по Экипажу, Начальниками Караула на Загородной гауптвахтѣ, и дежурства (огневыя) въ Военномъ порту и въ разныя командировки.

Во время службы въ Экипажѣ, я успѣлъ прочесть, среди старыхъ Приказовъ по Морскому Вѣдомству, одно цѣнное для меня указаніе, что право поступленія въ Императорскую Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба распространяется на морскихъ офицеровъ.

Караулы на Загородной гауптвахтѣ несли всѣ части гарнизона, какъ сухопутныя, такъ и морскія, причемъ во время смѣнъ, иногда бывали досадныя преткновенія. Новичкамъ приходилось заранѣе зубрить въ экипажѣ уставъ о караульной службѣ, подъ шутки старыхъ офицеровъ, что "тяжела морская служба на сухомъ пути".

Въ дѣйствительности, служба зимою была совсѣмъ не трудная; каждый, кто не очень увлекался картами и клубной жизнью, имѣлъ массу времени для любого досуга, не только въ Кронштадтѣ, но и для научныхъ поѣздокъ въ Петербургъ. Одинъ юный артиллеристъ занялся даже "корнесловомъ", въ надеждѣ доказать, что наше нарѣчіе ведетъ свое начало отъ древнѣйшаго санскритскаго языка; къ сожалѣнію онъ скоро померъ, но его труды нашли себѣ послѣдователей, - въ Америкѣ разрыты новымъ русскимъ знатокомъ серьезнѣйшія подтвержденія, что славянскія слова произошли непосредственно отъ санскритскаго языка.

Мнѣ тоже не сидѣлось и я попалъ въ случай полезный. Былъ конкурсъ на оборудованіе товарныхъ вагоновъ съ надписью "40 человѣкъ 8 лошадей", въ теплушки, для перевозки войскъ и переселенцевъ. Набросавъ въ два счета чертежи такой задачи, отправилъ ихъ въ Отдѣлъ по передвиженію войскъ и военныхъ грузовъ и потомъ много разъ радовался, встрѣчая эти оборудованія, очень смахивавшія на мой молодой проэктъ.

Зарылся было я и въ книжныхъ "кладахъ" Петербурга, въ поискахъ защиты государства, вѣками размножавшагося поперекъ Сѣвернаго полушарія. Тутъ ясно вырисовывались три направленія: движеніе на востокъ, что началось еще при Царѣ Иванѣ Грозномъ, затѣмъ шаги въ южный Закаспій при Петрѣ Великомъ, чрезъ Персію къ южному Океану заморскаго богатства и т р е т ь я оборона наступательная, в ъ о б х о д ъ в с ѣ х ъ з а п а д н ы х ъ

"зигфридовъ" и на перерѣзъ Берлино-Багдадскому кинжалу, по братски направляемому "Вилли" въ славянскій бокъ Россіи. Какъ-же подпоручикъ Морской Артиллеріи можетъ спокойно спать, послѣ такихъ открытій?... Надо-же скорѣе составить стратегическо - инженерный планъ, предвосхищающій всѣ козни коварнаго сосѣда. На ватманской бумагѣ ярко вычерчено оборудованіе воднаго направленія "Днѣпръ-Очаковъ-Сулинъ-Дунай-Вѣна" *, а на Днѣпрѣ невинная флотилія, для обороны этой линіи, изъ такихъ судовъ, тоннажъ которыхъ годенъ и для всего Дуная. Воображаю, — какъ за столомъ оперативнаго отдѣленія были ошарашены стратеги, если они до конца прочли мой планъ, сожженный потомъ въ печкѣ. Отвѣта, конечно, не могло и быть по такимъ наивнымъ кренделяніямъ подпоручика морской артиллеріи.

Я началъ уже залѣчивать свою рану отъ такой обиды, какъ на грѣхъ узналъ, что Начальникъ Академіи Генеральнаго Штаба и авторитетный генералъ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ, сбиваетъ съ толку всѣхъ противъ скорострѣльнаго оружія, якобы, требующаго такую уйму патроновъ, что всѣ заводы не въ состояніи будутъ снабжать, да и подвозить къ полю сраженія никакіе парки не въ силахъ. Я рѣшилъ доказать, что генералъ неправильно примѣняетъ лозунгъ Суворовскій "пуля дура, а штыкъ молодецъ", относившійся къ пулѣ и картечи, бившими накороткѣ. Предварительно я далъ мою статью прочесть моему любимому и безпощадному критику, Капитану 1-го ранга Гавріилу Николаевичу Токареву. Краснымъ, какъ печеный ракъ, я оставилъ его кабинетъ. "Развѣ вы не знаете, что Гвардейскій Экипажъ въ зимнее время входитъ въ составъ Гвардейскаго Корпуса?!"... выпалилъ мнѣ на прощанье Гавріилъ Николаевичъ.

Оказалось, что Командиръ Гвардейскаго Экипажа вошелъ уже съ ходатайствомъ о переводѣ меня въ Гвардейскій Экипажъ, въ которомъ, по табели комплектаціи, была положена одна вакансія для офицера Корпуса Морской Артиллеріи. Въ Приказѣ по Морскому Вѣдомству я нашелъ описаніе дополненія къ формѣ Гвардейскаго Экипажа, установленныя для офицеровъ Корпуса Морской Артиллеріи Гвардейскаго Экипажа: бархатные воротникъ и обшлага мундира и сюртука, бархатныя петлицы на пальто и добавлены двѣ пушки на пуговицахъ, а во всемъ остальномъ сохранена вся форма флотскихъ офицеровъ Гвардейскаго Экипажа. Чинамъ, коимъ было положено быть въ строю верхомъ, положены были шпоры, которыми пришлось впослѣдствіи обзавестись въ Академіи, во время верховыхъ ученій.

На Царскихъ парадахъ войскъ Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, Гвардейскій Экипажъ парадировалъ за 1-ой Гвар-

---

*) Ключъ, по-моему, лежалъ не на Босфорѣ, а въ Вѣнѣ, — для Русскаго хода въ Средиземное море.

дейской Дивизіей и онъ, — одинъ единственный, проходилъ развернутымъ фронтомъ въ одну линію, всѣмъ своимъ 4-хъ ротнымъ баталіономъ, въ которомъ роты были въ два раза большаго состава, чѣм роты во всѣхъ войскахъ гвардіи. Проходить такой огромной линіей, съ астрономическимъ равненіемъ, на Высочайшемъ смотру, — не легкая была задача.

Со времень Бородинскаго сраженія, въ Гвардейскомъ Экипажѣ находилась одна артиллерійская рота, съ упраздненіемъ которой, по табели комплектаціи, въ Экипажѣ было оставлено 2-3 вакансіи для Корпуса Морской Артиллеріи.

Рота Ея Величества, такъ поразившая меня исполинскимъ ростомъ при въѣздѣ въ Петербургъ, превышала всю гвардію, благодаря одной случайности. Государь Императоръ Александръ II, наблюдая изъ дворцоваго окна весеннюю церемонію при открытии навигаціи на Невѣ, выразился "про Себя"... что гребцы на катерѣ Его Величества, какъ будто, маловаты... Этого было достаточно, чтобъ Главнокомандовавшій Войсками Гвардіи распорядился, чтобъ каждой осенью Командиръ Гвардейскаго Экипажа имѣлъ возможность выбора, изъ всего годового комплектованія гвардіи новобранцами, 25-ти самыхъ высокихъ и красивыхъ новобранцевъ, для укомплектованія ввѣреннаго ему Экипажа.

Замѣтивъ однажды неувѣренный заѣздъ Штабъ Офицера Гвардейскаго Экипажа на парадѣ, по случаю Экипажнаго Праздника въ День Св. Николая, Государь всемилостивѣйше соизволилъ, чтобы офицерамъ Гвардейскаго Экипажа, какъ не имѣющимъ по штату лошадей, можно было пользоваться въ придворномъ манежѣ усовершенствованіемъ въ верховой ѣздѣ, нарванѣ съ чинами свиты.

Неожиданно гвардейскіе планы нарушились полученіемъ экстренной записки: "Немедленно явиться Главному Артиллеристу Кронштадтскаго Порта Генералъ-Маіору Свенторжецкому въ обыкновенной формѣ".

Я былъ увѣренъ, что мнѣ не миновать разноса, вѣдь я еще не удосужился представиться. Придумывая смягчающія вину обстоятельства, я грустно шелъ на вполнѣ заслуженное поученіе. Когда-же я представился, то былъ опѣшенъ привѣтливымъ пріемомъ симпатичнѣйшаго генерала. "Вотъ депеша Главнаго Инспектора Морской Артиллеріи, Адмирала Казнакова; онъ проситъ меня избрать достойнаго офицера для службы въ Артиллерійской Инспекціи Морского Техническаго Комитета; имѣя прекрасные отзывы о Васъ, я рѣшилъ Васъ командировать въ Петербургъ, о чемъ я уже сообщилъ въ Вашъ Экипажъ: поѣзжайте какъ можно скорѣе и явитесь Адмиралу съ этимъ моимъ письмомъ".

Такимъ образомъ произошла большая по времени задержка

въ надеждахъ на переводъ въ Гвардейскій Экипажъ. Меня надолго привлекли къ занятіямъ въ Морскомъ Техническомъ Комитетѣ, назначивъ Приказомъ по Морскому Вѣдомству Членомъ Комиссіи Морскихъ Артиллерійскихъ Опытовъ на Морскомъ Артиллерійскомъ Полигонѣ, расположенномъ рядомъ съ сухопутнымъ Главнымъ Артиллерійскимъ Полигономъ за Охтой. Въ это время шли грандіозные опыты новыхъ орудій (въ 45 и 50 калибровъ длиною), новыхъ станковъ и установокъ съ гидравлическими компрессорами, большого ассортимента скорострѣльныхъ пушекъ, бездымныхъ пороховъ, снаряженія тротиломъ фугасныхъ снарядовъ и пр. Съ утра до вечера стрѣльба, въ перемѣшку съ весьма отвѣтственными командировками, то на орудійные и пороховые заводы, то на Кронштадтскіе маневры, на форты и батареи Кронштадтской крѣпости, при форсированіи флотомъ обоихъ фарватеровъ. Сверхъ всего, на меня-же были возложены обязанности делегата отъ Морского Полигона на опытахъ Главнаго Артиллерійскаго Полигона. Во время плаванія на броненосной батареѣ "Кремль", *) я имѣлъ счастье демонстрировать Капитану 2 ранга Зиновію Петровичу Рожественскому мое приспособленіе для учебной стрѣльбы, при помощи одноствольныхъ пушекъ Гочкиса, вставляемыхъ въ каналы большихъ орудій. Такая подготовительная стрѣльба имѣла большое значеніе въ тѣ времена, когда отпускъ снарядовъ для боевыхъ стрѣльбъ былъ очень экономный.

(Продолженіе слѣдуетъ)

МУСЯ

(Изъ воспоминаній кадета Морского Кадетскаго Корпуса).

Будучи воспитанникомъ Морского Кадетскаго Корпуса, я бралъ дополнительные уроки у лейтенанта Ф. Е. Барыкова, или, попросту, Феди Барыкова , какъ прозвали его кадеты. Ежедневно, по вечерамъ, я бывалъ на квартирѣ у Барыковыхъ, а праздничные дни, почти всегда, проводилъ у нихъ цѣликомъ.

Супруга "Феди", Марія Николаевна Барыкова, урожденная Каразина, или кратко Муся , какъ величалъ ее мужъ и мы кадеты, была красивая эффектная дама, съ крупными чертами лица и круглой родинкой — бархаткой — въ началѣ брови, какъ-бы нарочно поставленной знаменитымъ художникомъ, ея отцомъ. "Бархатка" эта давала ея лицу какую-то особую прелесть.

---

*) «Кремль» находился въ составѣ Учебно-Артиллерійскаго Отряда.

Ежегодно на балу корпуса "Муся", обычно, была одѣта въ платье разрисованное акварелью Каразинымъ, что всегда отмѣчалось въ газетахъ.

Николай Николаевичъ Каразинъ, благообразный старикъ, съ большой патріархальной бородой, знаменитый акварелистъ и писатель, работавшій въ "Нивѣ" и во многихъ другихъ журналахъ, зарабатывалъ большія деньги и всѣ ихъ проживалъ. Ихъ домъ былъ полонъ всегда народу.

Часто Барыковы брали меня съ собой къ Каразинымъ. Здѣсь я встрѣчалъ извѣстныхъ художниковъ: Писемскаго, Галкина, Соломко, Самокиша, старика Соколова, — знаменитаго рисовальщика животныхъ, и многихъ другихъ. Въ пріемный день у нихъ, по пятницамъ, когда собиралась вся эта плеяда художниковъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ нарисовать на кафельной печи, на одной изъ кафелей, одноцвѣтной синей краской, что-либо за своей подписью. Интересно, что стало съ этой печкой, разрисованной знаменитыми художниками? Представьте себѣ, что она стоила?

Какое наслажденіе было наблюдать, когда рисовалъ Каразинъ. Особенно это было интересно, когда Н. Н. рисовалъ акварелью. Онъ работалъ быстро. И я часто стоялъ за его кресломъ, какъ прикованный, и видѣлъ какъ оживали, подъ его кистью, моря, поля и лѣса. Отсюда и начало моей любви къ рисованію. И я, какъ имѣвшій въ корпусѣ двухъзначный балъ по рисованію, имѣлъ возможность посѣщать всѣ художественныя выставки.

Между прочимъ, набросокъ нагруднаго знака Корпуса, въ память 200-лѣтняго юбилея, сдѣлалъ Каразинъ, а "Федя", который, кажется, представилъ рисунокъ этого знака за свой, просилъ меня его вырисовать. Такимъ образомъ и я приложилъ къ нему свою руку.

Но я уклонился отъ основной темы. Возвращаюсь къ Мусѣ. Мы, молодежъ, были тайно въ нее влюблены и, казалоось, что нѣтъ такой вещи, которую мы не согласились бы сдѣлать для Муси. Надо сказать, что Марія Николаевна была очень остроумна и изобрѣтательна. И вотъ она придумала и посовѣтовала намъ такую "штуку". Говорю намъ, т. к., кромѣ меня, у Барыковыхъ бывалъ еще одинъ кадетъ П—ній, принявшій въ исполненіи ея плана, также, дѣятельное участіе.

Надо-ли говорить, что среди нашихъ корпусныхъ дежурныхъ офицеровъ были личности достопримѣчательныя. Къ одной изъ нихъ принадлежалъ лейтенантъ Г—кій, по прозвищу "Обалдуй". Оно отлично подходило къ нему, но кромѣ этого "Обалдуй" отличался еще большой грубостью и любилъ кричать своимъ громоподобнымъ голосомъ. Надъ нимъ-то Муся и рѣшила подшутить.

Въ тѣ далекія, невозвратныя времена, въ объявленіяхъ "Но-

ваго Времени" были длинные столбцы лицъ, искавшихъ работу. Особенно: кучера, лакеи и дворники. Имъ-то, повторяю, по совѣту "Муси", мы и написали груду открытокъ, вызывая ихъ, въ одно и тоже время, на квартиру "Обалдуя". Жилъ онъ въ томъ же этажѣ, недалеко отъ Барыковыхъ, и мы могли отлично наблюдать за происшедшимъ.

Представляете-ли вы себѣ, что дѣлалось въ назначенный часъ у дверей квартиры Г—аго? Десятки обманутыхъ людей обрывали звонокъ, кричали, ругались, не стѣсняясь въ выраженiяхъ, требовали вернуть имъ за проѣздъ. "Обалдуй", какъ говорится, рвалъ и металъ.

На другой день, послѣ этого событiя, Г—кiй, будучи дежурнымъ и подозрѣвая меня въ этой продѣлкѣ, говорилъ мнѣ, между прочимъ: "сознайтесь, что это сдѣлали Вы, Ей Богу, я Вамъ ничего не сдѣлаю". Но на эту удочку я не поймался.

Вспоминается еще, какъ "Муся" подбила лично меня на одну продѣлку, которой я долженъ былъ показать передъ ней свое "геройство".

На засѣданiе ежегодной конференцiи, когда рѣшалась наша судьба о переходѣ въ слѣдующiй классъ (роту), собиралось все корпусное начальство. Всѣ "отъ мала до велика" были въ конференцъ - залѣ, а въ верхнемъ этажѣ, гдѣ были офицерскiя квартиры, оставались только корпусныя дамы, да горничныя и кухарки. Въ этомъ то этажѣ была веревка отъ церковнаго колокола, за которую я долженъ былъ дернуть во время конференцiи.

Засѣданiе этой конференцiи всегда было окутано особой тайной. Въ это время въ корпусѣ стояла какая-то гробовая тишина и всѣ ходили, какъ-бы, на ципочкахъ.

Въ эту-то "торжественную минуту", зная, что въ верхнемъ этажѣ никого изъ начальства не встрѣчу, я храбро туда взобрался и ударилъ съ силой, два раза, въ колоколъ.

Стремглавъ спустившись на парадную лѣстницу, я видѣлъ какъ многiе изъ начальства "вылетѣли" изъ зала и не могли ничего понять, что произошло. Бѣгали, волнуясь, думая, что гдѣ-нибудь горитъ. Я также сновалъ среди другихъ, помогая розыскать виновника.

Начальство такъ и не узнало, кто позвонилъ въ колоколъ. И я былъ гордъ тѣмъ, что "тайну о колоколѣ" знали только я и "Муся". Не зналъ ее, даже, никто изъ кадетъ.

Были еще и другiя "Мусины шалости", но всѣхъ ихъ не вспомнишь. Шутка-ли! Вѣдь, прошло съ тѣхъ поръ, почти 50 лѣтъ!

Прощай молодость. Прощайте и вы, беззаботные дни нашей юности, проведенные, когда-то, нами въ стѣнахъ родного Корпуса. —

Кн. П. Ишеевъ.

Князь Я. К. Тумановъ.

"ДЖЕКЪ".

Джекъ былъ чистокровнымъ пуделемъ, остриженнымъ, какъ и подобаетъ всякому хорошему пуделю, львомъ, съ усами и бакенбардами, съ густо нависшими бровями надъ умными и живыми глазами, съ гривой, съ кисточками на ногахъ и хвостѣ. В противуположность обычнымъ офицерскимъ псамъ, — а Джекъ былъ псомъ каютъ-компанейскимъ, а не баковымъ, — онъ не чуждался команды, и, его можно было видѣть также часто на бакѣ, играющимъ съ матросомъ 2-й статьи разряда штрафованныхъ Иваномъ Гулькинымъ, какъ и на ютѣ, прыгающимъ черезъ тросточку Лейтенанта Лютера, разговаривающаго съ нимъ не иначе, какъ по французски.

Кто былъ его первымъ хозяиномъ, — я не знаю. Когда я прибылъ на канонерскую лодку "Хивинецъ", плававшую уже третій годъ въ Средиземномъ морѣ, станціонеромъ на о. Критѣ, у Джека уже не было единоличнаго хозяина, и, былъ онъ, въ буквальномъ смыслѣ, судовой собакой.

Ума онъ былъ совершенно исключительнаго, и, то, что онъ понималъ человѣческій языкъ, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Какъ иначе можно было бы объяснить тотъ фактъ, что онъ исполнялъ такія, напр., приказанія, какъ — "Джекъ, принеси мнѣ фуражку!" Онъ бѣжалъ внизъ, въ помѣщеніе офицерскихъ каютъ и приносилъ, въ зубахъ, фуражку. Правда, это не всегда бывала фуражка того, кто посылалъ за нею, и, бывало такъ, что вмѣсто маленькой, изящной фуражки миннаго офицера Чайковскаго, онъ приносилъ огромный, съ большими форменными полями и огромнымъ козыремъ головной уборъ ротнаго командира, старшего лейтенанта Вѣщицкаго. Но въ этомъ его, особенно, винить было нельзя, ибо вполнѣ возможно, что собачье представленіе о правѣ собственности нѣсколько рознится отъ человѣчьяго, или же, что каюта пославшаго лейтенанта Чайковскаго была заперта, но зато открыта, гостепріимно, дверь каюты Вѣщицкаго, и, онъ бывалъ до нельзя сконфуженъ, когда Вѣщицкій, строго глядя на него и пугая неподвижнымъ стекляннымъ глазомъ, вставленнымъ вмѣсто потеряннаго въ Портъ Артурѣ ока, читалъ ему нотацію за то, что онъ взялъ чужую фуражку.

Что Джекъ зналъ, зналъ безукоризненно хорошо, такъ это были сигналы горномъ.

Его любимымъ сигналомъ было — "движеніе впередъ". Это былъ сигналъ, по которому, командѣ, приготовившейся купаться, надлежало кидаться въ воду.

Купанье было любимымъ развлеченіемъ Джека. Тутъ, удовольствіе заключалось не только въ барахтаньи въ тихихъ водахъ Судской бухты, гдѣ вода была такъ чиста и прозрачна, что когда вѣтеръ не ря-

билъ ея поверхность, можно было видѣть, съ нижней площадки трапа, какъ ползали по дну лакомые для грековъ осьминоги, и, какъ тускло поблескивала пустая сардиночная коробка, выброшенная за бортъ буфетчикомъ изъ буфетнаго иллюминатора. Главное удовольствіе купанья заключалось въ томъ, что Джеку разрѣшалось принимать участіе въ игрѣ въ водяное поло. Въ сущности говоря, это никакое не было поло, а простое гоняніе по водѣ большого футбольнаго мяча, но и это было чертовски весело и интересно.

По окончаніи судовыхъ работъ, передъ обѣдомъ и ужиномъ, раздавалась команда вахтеннаго начальника:

— Командѣ приготовиться купаться! На шестерку!

Четверо гребцовъ изъ вахтеннаго отдѣленія шли на шестерку, которая, отваливъ отъ корабля, держалась на веслахъ на лѣвомъ траверзѣ канонерки; травился лѣвый выстрѣлъ — топепантъ, пока нокъ выстрѣла не касался воды; за бортъ, на всякій случай, бросалось нѣсколько спасательныхъ круговъ. Пока дѣлались всѣ эти приготовленія, команда раздѣвалась. Джекъ отлично понималъ, что означала вся эта процедура. Онъ сидѣлъ уже на верхней площадкѣ лѣваго трапа, и, если вахтенный начальникъ не спѣшилъ приказывать горнисту играть "виженіе впередъ", начиналъ повизгивать отъ нетерпѣнія.

Но вотъ звучитъ знакомый сигналъ.

Тутъ, уже, зѣвать нельзя. Съ первыми звуками трубы, вахтенный начальникъ бросаетъ въ воду большой футбольный мячъ, стараясь закинуть его какъ можно дальше, и, одновременно съ мячомъ, летятъ въ воду, подымая фонтаны алмазныхъ брызгъ, здоровыя, мускулистыя тѣла. Точно лягушки, потревоженныя на берегу пруда, матросы кидаются въ воду головою внизъ, кто—съ верхней площадки трапа, кто—съ коечныхъ сѣтокъ, кто—съ полубака, а тамъ, смотришь, какой нибудь хорошій пловецъ и ныряла, взобравшись на крыло ходового мостика, перешагнетъ черезъ поручень, постоитъ мгновеніе, точно въ нерѣшительности, и, потомъ, перекрестившись, подыметъ руки надъ головой; вотъ, спина его медленно отдѣляется отъ поручня но ноги еще стоятъ на краю мостика, тѣло, медленно, клонится впередъ, прямое, какъ стрѣла; вотъ уже и ноги отдѣлились отъ упора и пловецъ, сдвинувъ руки и ноги въ одну прямую линію, красиво летитъ головою внизъ, съ тридцатифутовой высоты. Неумѣющіе плавать — ихъ всего нѣсколько человѣкъ — вооружившись пробковыми нагрудниками, нерѣшительно спускаются, держась за лееръ, въ воду по выстрѣлу.

Въ водѣ — столпотвореніе вавилонское: плескъ, визги, смѣхъ, и, покрывающій весь этотъ гомонъ, звонкій лай Джека. Онъ въ водѣ уже съ первыхъ же нотъ сигнала "движеніе впередъ", кинувшись въ воду, вслѣдъ за мячемъ,съ нижней площадки трапа. Плаваетъ онъ какъ рыба. Быстро работая своими лапами съ кисточками, и, высунувъ изъ

воды лишь черную, усатую морду, гоняется онъ за мячомъ, громкимъ лаемъ выражая свою не то радость, не то досаду, когда какой нибудь шустрый пловецъ раньше его доплываетъ до мяча и отшвыриваетъ его куда нибудь подальше, въ сторону. Джекъ, круто, кладетъ лѣво или право на бортъ, и, вотъ, его лапки, снова, быстро, быстро работаютъ въ водѣ, точно плицы колеснаго парохода, давшаго полный ходъ. Вотъ, онъ доплываетъ до мяча и начинаетъ тыкать въ него мордой, стараясь ухватить его зубами. Но не тутъ-то было: большой, надутый, круглый шаръ отскакиваетъ отъ джекинаго чернаго носа, а ухватить его не за что. Джекъ, упорно, гонитъ его впередъ, пока новый соперникъ не отшвырнетъ его далеко въ сторону. Громкимъ лаемъ выражаетъ Джекъ свое одобреніе, и, вновь, поворачиваетъ за мячомъ.

Да, это вотъ игра, а не то, что прыганье черезъ лютеровскую палочку, или таскаціе чужихъ фуражекъ!

Вылѣзаетъ онъ изъ воды послѣднимъ. Въ сущности говоря, онъ не вылѣзаетъ, а его вытаскиваютъ за шиворотъ, ибо, нижняя площадка трапа настолько высока, что вылѣзти на нее, безъ посторонней помощи, онъ не можетъ. Когда онъ медленно подымается по ступенькамъ трапа, съ него потоками течетъ вода, но онъ не спѣшитъ отряхиваться; онъ это дѣлаетъ, разбрасывая вокругъ себя, на далекое разстояніе, мелкія брызги, не иначе, какъ на шканцахъ. Если въ это время поблизости оказывается вахтенный начальникъ, Джекъ обрызгиваетъ его безукоризненно выглаженный бѣлый костюмъ, какъ изъ пульверизатора.

— Джекъ, мерзавецъ! — кричитъ вахтенный начальникъ и кидается къ нему, чтобы дать ему пинка, но слово — мерзавецъ Джеку тоже хорошо извѣстно, и, зная, что оно, обычно, служитъ прелюдіей передъ пинкомъ, онъ спасается бѣгствомъ на бакъ, или въ каютъ-компанію, смотря по тому, куда открытъ путь къ отступленію.

А что за аппетитъ разыгрывается послѣ купанья!

И, точно нарочно, чтобы подразнить бѣдную собаку, въ камбузѣ, въ это время, рѣжется мясо на пайки и оттуда несутся такіе запахи, что такъ бы и вскочилъ на горячую плиту и заглянулъ бы въ стоящія на ней кастрюли.

Но вотъ, горнистъ играетъ — "къ вину и обѣдать!"

Джекъ, еще влажный послѣ купанья, бѣжитъ въ каютъ-компанію. Боже, что за запахи обоняетъ его черный носикъ!

Самый добрый изъ всѣхъ, это — старшій механикъ Лилѣевъ, котораго всѣ называютъ — чифомъ. Джекъ садится на заднія лапы, и, умильно глядя на своего друга, машетъ обѣими передними лапами.

— Проси голосомъ! — приказываетъ Чифъ.

— Гамъ, — немедленно отвѣчаетъ Джекъ.

— Громче, не слышу!

— Гамъ, гамъ...

— Еще громче!

Джекъ начинаетъ оглушительно лаять, дрожа отъ нетерпѣнія. И что это за манера, издѣваться надъ бѣдной и голодной собакой!

Наконецъ, Чифъ слышитъ собачью просьбу и въ пасть Джеку летитъ вкусный кусочекъ, который онъ ловко ловитъ на лету. Пустое собачье брюхо такъ настойчиво проситъ ѣды, что Джекъ посылаетъ туда полученный кусокъ, даже не разжевывая его, и, вновь, машетъ пешетъ передъ Чифомъ передними лапами, и, уже не ожидая приказанія, проситъ голосомъ. Чифъ бросаетъ ему еще нѣсколько кусочковъ, и, затѣмъ, гонитъ его отъ себя:

— Ну, хватитъ съ тебя... Иди, теперь, къ Шнакенбургу.

Къ артиллерійскому офицеру Шнакенбургу, Джеку итти не хочется, ибо онъ отлично знаетъ, что этотъ заставитъ его просить голосомъ до хрипоты, а потомъ начнетъ кормить одними хлѣбными шариками. Поэтому, отойдя отъ Чифа, онъ предпочитаетъ задержаться передъ докторомъ Меркушевымъ. Съ докторомъ у него особенно интимныя отношенія. Нѣжныя къ нему чувства Джека объясняются не только тѣмъ, что докторъ беретъ его съ собою, когда идетъ пѣшкомъ въ Канею, или взгромоздившись на осла, отправляется въ горную экскурсію на Малаксу. Ихъ дружба зародилась на почвѣ профессіональной дѣятельности доктора, съ которой Джеку, какъ то, пришлось познакомиться близко.

Дѣло было такъ:

Въ одно чудесное весеннее утро, когда не знаешь, чѣмъ больше любоваться, — бездонной ли голубизной безоблачнаго неба, или густой синевой тихаго моря; когда воздухъ чистъ и прозраченъ такъ, что на самой вершинѣ горы Малакса, стѣной подымающейся надъ Судской бухтой, можно видѣть человѣчковъ, а на далекомъ островкѣ, при входѣ въ бухту, различить поднятые надъ старой крѣпостцой флаги державъ покровительницъ острова Крита, когда легкій и прохладный береговой бризъ доноситъ опьяняющіе ароматы цвѣтущихъ деревьевъ; когда хрустальность воздуха такова, что полный страстной нѣги крикъ осла въ турецкой деревушкѣ Тузла, въ трехъ верстахъ отъ Суды, слышенъ на ютѣ "Хивинца" такъ, точно оселъ кричитъ на бакѣ, а въ каютъ-компаніи можно слышать, какъ на англійскомъ крейсерѣ "Діана", кого-то звучно ругаетъ старшій офицеръ Кенди, — въ такое именно утро, ревизоръ собрался ѣхать въ Канею. Нужно было, въ Афинскомъ банкѣ, снять съ акредитива нѣкую сумму, для уплаты господамъ офицерамъ морского довольствія.

Офицеры "Хивинца", по издавна заведенной традиціи, почти не пользовались судовыми шлюпками, а нанимали, помѣсячно, "калимерку" — мореходную греческую шлюпку, съ большимъ косымъ пару-

сомъ, который, съ неподражаемымъ искусствомъ, управлялъ ея хозяинъ грекъ — Ставро. Шлюпка стояла у нашей пристани и, если кому нибудь изъ офицеровъ нужно было ѣхать на берегъ, то на нокѣ реи канонерки подымался условный флажокъ — "глаголь", Ставро подымалъ свой парусъ или, если былъ штиль, садился на весла и шелъ къ кораблю.

. Такъ, и въ описываемое утро, ревизоръ приказалъ вызвать калимерку. Садясь, черезъ нѣсколько минутъ, въ пришедшую шлюпку, онъ увидѣлъ, что еще раньше него туда забрался Джекъ и усѣлся на свое обычное мѣсто, на бакѣ.

— Ну, вотъ и отлично, — сказалъ ревизоръ: — пойдемъ съ тобою, Джекуля, въ Канею, а оттуда пріѣдемъ на извозщикѣ. Отваливай, Ставро!

Онъ взялъ у грека румпель. Шлюпочникъ оттолкнулъ носъ шлюпки и сѣлъ на шкотъ. Огромный, косой парусъ набралъ вѣтра, и, красиво вздувшись, чуть накренилъ шлюпку. За кормой зажурчала вода и калимерка направилась къ берегу.

Джекъ сидѣлъ на полубакѣ, не отрывая взора отъ берега, и, жадно втягивая носомъ береговые ароматы. По мѣрѣ приближенія къ берегу, нетерпѣніе его возростало. Сажень за пятьдесятъ, онъ началъ уже повизгивать, а еще немного, и, не выдержавъ, онъ прыгнулъ за бортъ и поплылъ. Это онъ дѣлалъ всегда, когда шлюпка двигалась медленно, идя на веслахъ, или подъ парусомъ при слабомъ вѣтрѣ. На берегъ онъ вышелъ раньше ревизора, и, пока этотъ приставалъ къ пристани, успѣлъ трижды поднять ножку на прибрежныя деревья и обнюхать немало интересныхъ предметовъ.

Ревизоръ свистнулъ Джека и зашагалъ по единственной судской улицѣ, она же и шоссе, ведущей въ Канею. Джекъ бѣжалъ впереди, заглядывая въ калитки попутныхъ домишекъ, и, отъ времени до времени, оставляя на заборахъ свои собачьи визитныя карточки. На развѣтвленіи дорогъ, гдѣ отъ шоссе, вправо, отходила дорога въ деревню Тузла, имъ попалась по пути большая процессія; это была пышная собачья свадьба. За маленькой, съ облѣзшей шерстью неопредѣленнаго цвѣта собаченкой, сѣменившей, съ уныло-печальнымъ видомъ кроткой жертвы, короткими лапками, бѣжали, высунувъ языки, женихи и гости, самыхъ разнообразныхъ величинъ, мастей и породъ. Появленіе на свадьбѣ безъ приглашенія, отнюдь не противорѣчитъ хорошему собачьему тону, и, Джекъ, немедленно, присталъ къ веселому обществу.

— Джекъ, назадъ, тамъ тебѣ морду набьютъ! — крикнулъ ему ревизоръ.

Но — напрасно. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ и Джекъ не обратилъ вниманія на дружественное предупрежденіе ревизора, который увидѣлъ, какъ онъ затесался въ самую гущу жениховъ, и, про-

цессія скрылась за поворотомъ дороги.

Ревизоръ продолжалъ путь въ одиночествѣ.

Въ тотъ день, Джекъ пропадалъ до самаго вечера. Когда солнце опускалось за лилово-багровымъ облакомъ, вытянувшемся на далекомъ горизонтѣ, въ ущельяхъ Малаксы закурились туманы, и муэдзинъ, съ минарета крошечной мечети деревушки Тузла, кричалъ въ затихшемъ воздухѣ, монотоннымъ голосомъ — Ля илляхи, иль Аллахъ... — призывая правовѣрныхъ къ вечерней молитвѣ, Ставро привезъ съ берега Джека. Но, Боже, въ какомъ видѣ! Ему, въ Тузлѣ, не только набили морду, какъ предсказывалъ ревизоръ, но буквально не оставили на его тѣлѣ живого мѣста: шерсть, во многихъ мѣстахъ, висѣла клоками, уши, съ запекшейся на нихъ кровью, были прокушены въ нѣсколькихъ мѣстахъ; подымаясь по трапу, онъ сильно прихрамывалъ на лѣвую переднюю лапку.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ попалъ Джекъ впервые въ лазаретъ и близко познакомился съ профессіей Валерія Аполлинаріевича Меркушева. Тамъ, были обмыты его многочисленныя раны и смазаны чѣмъ то жгучимъ и пахучимъ. Джекъ перенесъ операцію покорно и стоически.

— Придешь завтра утромъ на амбулаторный пріемъ, на перевязку, негодяй и бродяга, — строго сказалъ ему докторъ, отпуская его спать.

Этихъ словъ онъ не понялъ, и, поэтому, когда, на другой день, въ 7 часовъ утра, раздался какой-то невѣдомый ему сигналъ, онъ не обратилъ на него никакого вниманія. Но вскорѣ, послѣ сигнала, откуда-то изъ подъ полубака, крикнули:

— Джекъ, въ лазаретъ, къ доктору! Джекъ, сюда!

Джекъ поднялся и заковылялъ на зовъ, недоумѣвая, зачѣмъ его зовутъ. Обходя лужи и избѣгая попасть подъ струю забортной воды изъ браспойта, ибо утренняя приборка была въ полномъ разгарѣ, онъ пошелъ за звавшимъ его санитаромъ, и, вновь очутился въ лазаретѣ. Тамъ, его, снова, осмотрѣлъ докторъ, а фельдшеръ, вооружившись ножницами, обстригъ шерсть вокругъ его ранъ, и, вновь смазалъ вонючей, щипающей жидкостью. Это онъ прекрасно придумалъ — обстричь на болячкахъ шерсть, ибо, послѣ этого, ихъ гораздо легче стало зализывать языкомъ. Джекъ, въ благодарность, лизнулъ фельдшерскую руку.

На второй день, Джека пришлось звать снова на перевязку, но на третій, онъ, услышавъ знакомый ему уже сигналъ, самъ поплелся въ лазаретъ, не ожидая приглашенія.

Такъ, продолжалось съ недѣлю.

Собачьи болячки, особено, при хорошемъ и обильномъ харчѣ, заживаютъ быстро. Стали быстро заживать и болячки Джека, то-ли отъ вонючей жидкости, которой ихъ смазывалъ фельдшеръ, то-ли отъ усерд-

наго зализыванія языкомъ. И вотъ, въ одно прекрасное утро, услышавъ знакомый сигналъ, Джекъ, вмѣсто того, чтобы итти въ лазраетъ, пошелъ въ обратную сторону, и, спустившись въ помѣщеніе офицерскихъ каютъ, забился въ укромный уголокъ и проспалъ тамъ, спокойно, до самаго обѣда.

За обѣдомъ, когда онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ къ доктору, Валерій Аполлинаріевичъ не только ничего ему не далъ, но еще и выругалъ:

— Ты отчего это, сегодня, на перевязку не пришелъ, а? Гадкая собака!

Это было сказано тономъ, котораго терпѣть не могъ Джекъ. Когда съ нимъ говорили такимъ тономъ, онъ, обычно, поджималъ хвостъ и сильно конфузился. Такъ и теперь, поджавъ хвостъ, онъ отошелъ отъ доктора, и, подойдя къ Шнакенбургу, сталъ служить и просить голосомъ. Хлѣбные шарики все таки лучше, чѣмъ нотація и жалкія слова:

Какъ обычно у всѣхъ пуделей, у Джека былъ въ высшей степени добродушный характеръ. Съѣзжая на берегъ, и, встрѣчаясь со своими коллегами, будь то фоксъ съ англійскаго станціонера "Діана", или песъ совершенно неопредѣленой породы съ французскаго крейсера "Amiral Charner", онъ отнюдь не задѣвалъ ихъ и не лѣзъ въ драку, какъ это продѣлывали, обычно, матросы съ этихъ кораблей, насосавшись дузики, или сногсшибательнаго греческаго коньяку. Понюхавъ вѣжливо и деликатно, гдѣ полагается, по хорошему собачьему тону, у коллеги, онъ приглашалъ его поиграть, а то и просто побѣгать по пыльной Судской улицѣ.

За трехлѣтнее мое плаванье на одномъ кораблѣ съ Джекомъ, мнѣ лишь одинъ разъ довелось увидѣть и убѣдиться, что онъ умѣетъ не только любить, но и ненавидѣть, и, ненавидѣть страстно и безгранично. Предметомъ его лютой ненависти оказался судовой песъ канонерской лодки "Донецъ", пришедшей изъ Чернаго моря смѣнить "Хивинца", который получилъ разрѣшительный фирманъ турецкаго султана на проходъ Дарданеллами и Босфоромъ, чтобы итти въ Севастополь, въ капитальный ремонтъ.

Между офицерами балтійцами и черноморцами всегда существовалъ нѣкоторый антагонизмъ, довольно, впрочемъ, добродушный, и, вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшной и непонятный, по существу, ибо и тѣ, и другіе были птенцами однихъ и тѣхъ же гнѣздъ — единственнаго на всю Россію морского корпуса и единственнаго морского инженернаго училища. Балтійцы задирали носы и сочиняли анекдоты про черноморовъ, какъ офицеры блестящаго полка со стоянкой въ Петербургѣ или Москвѣ подшучивали надъ своими же товарищами по училищу, тянущими лямку въ захудаломъ полку, стоящемъ въ Картузъ-Березѣ.

Конечно, ненавист балтійца — Джека къ своему черноморскому коллегѣ не можетъ объясняться этимъ антагонизмомъ, тѣмъ бо-

лѣе, что офицеры обоихъ кораблей — и "Хивинца" и "Донца" - встрѣтились самымъ дружескимъ образомъ, и, даже между командами, за все время совмѣстной стоянки въ Судской бухтѣ, пока "Хивинецъ" готовился къ походу, не произошло ни одной драки. Повидимому, у собакъ, какъ и у людей, бываютъ совершенно необъяснимыя симпатіи и антипатіи другъ къ другу, съ первой же встрѣчи, и съ перваго же взгляда

Донецкій песъ былъ потомственнымъ дворяниномъ, свѣтло желтой, гладкой шерсти, съ добродушной мордой, съ несуразно длиннымъ туловищемъ на крѣпкихъ, короткихъ ногахъ. Онъ былъ значительно длиннѣе Джека, но ниже его. Когда они, впервые, встрѣтились на берегу, у обоихъ хвосты поднялись вверхъ, какъ палки и кисточка на джекиномъ хвостѣ начала подрагивать нервной дрожью. Медленно, на напружинившихся ногахъ, онъ подошелъ къ донцу, обнюхалъ его, и, въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе, они оба уже кубаремъ катались на прибрежномъ пескѣ, причемъ это произошло съ такой молніеносной быстротой, что нельзя было замѣтить — кто изъ нихъ былъ зачинщикомъ драки. Ихъ удалось разнять съ большимъ трудомъ, и, когда ихъ растащили въ разныя стороны, схвативъ за ошейники, оба продолжали рваться другъ къ другу, задыхаясь отъ ярости и отъ сжимающихъ ихъ глотки ошейниковъ, и, ругаясь площадными словами на своемъ собачьемъ языкѣ. Когда Джека везли на корабль, онъ, мрачно, лежалъ на бакѣ калимерки, зализывая прокушенную лапу и ворчалъ на подобіе отдаленнаго грома.

Весь вечеръ того дня, Джекъ пребывалъ въ отвратительномъ настроеніи духа, а на другой день, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ совершенно невѣроятнаго происшествія. Въ немъ, Джекъ показалъ свойство своего характера, которое менѣе всего можно было въ немъ заподозрить — злопамятность. Собачья душа — такіе же потемки, какъ и человѣчья.

Лодка "Донецъ" стояла на якорѣ неподалеку отъ насъ, въ какомъ нибудь полукабельтовѣ разстоянія. При вестовомъ вѣтрѣ, обычномъ въ Судской бухтѣ, черноморская лодка оказывалась у насъ на правую раковину. Какимъ образомъ Джекъ узналъ, что его врагъ живетъ на "Донцѣ", — я не знаю. Должно бытъ увидѣлъ его тамъ, случайно, съ нашего высокаго полуюта, а можетъ быть услышалъ его лай. И вотъ, въ описываемый мною день, я увидѣлъ слѣдующую картину:

Джекъ выходитъ на верхнюю площадку праваго трапа, откуда хорошо виденъ "Донецъ", и начинаетъ лаять въ его сторону. Черезъ нѣкоторое время, съ "Донца" слышится отвѣтный лай. Я подымаюсь на полуютъ и вижу донецкаго пса стоящаго на верхней площадкѣ лѣваго трапа и лающаго въ нашу сторону. При видѣ своего врага, Джекъ начинаетъ лаять громче и ожесточеннѣе, и, медленно, не спуская съ него глазъ, спускается на нижнюю площадку. Его врагъ дѣлаетъ тоже

самое. Въ голосѣ Джека начинаютъ слышаться истерическія нотки, и, вдругъ, я вижу обоихъ псовъ почти одновременно кидающихся въ воду и плывущихъ навстрѣчу другъ къ другу. Они встрѣтились на полпути между обоими кораблями, и, подымая каскады брызгъ, и пѣня воду, вступили въ смертельный бой.

— На шестерку! Проворнѣе! — раздались одновременныя команды на "Хивинцѣ" и "Донцѣ".

Это скомандовалъ я и вахтенный начальникъ "Донца". Также одновременно отвалили наши шлюпки и пошли къ мѣсту боя. Какъ и наканунѣ, на берегу, псовъ разняли съ большимъ трудомъ. Пока наша шестерка гребла къ кораблю, Джека пришлось держать за ошейникъ. Мокрый, искусанный, онъ захлебывался отъ ярости и порывался выпрыгнуть за бортъ, чтобы плыть вновь къ своему врагу.

На слѣдующій день мы уходили съ Крита.

Поднявъ якорь и развернувшись носомъ къ выходу, "Хивинецъ", малымъ ходомъ, тронулся впередъ. Мы проходили близко вдоль борта "Донца". Горнистъ сыгралъ - "захожденіе". На "Донцѣ" отвѣтили тѣмъ же. Ка краю мостика, обращенномъ къ черноморской лодкѣ, стоялъ нашъ командиръ, поднявъ руку къ козырьку фуражки; сзади него вытянулся нашъ штурманъ, въ той же торжественной позѣ. На обѣихъ лодкахъ, команды стояли "смирно", повернувшись лицомъ другъ къ другу, и, торжественная тишина нарушалась лишь журчаніемъ воды, льющейся изъ помпы въ клюзъ на облѣпленный грязью якорь, ритмическимъ стукомъ нашей машины и яростнымъ лаемъ двухъ псовъ, нашего — съ полуюта и донецкаго — съ полубака. Обоихъ держали за ошейники матросы, чтобы они не бросились забортъ...

Мы, долго, чинились въ Севастополѣ, гдѣ Джекъ, почти ежедневно бывалъ на берегу. Тамъ онъ увидѣлъ немало черноморскихъ собакъ и близко съ ними познакомился. Были у него серьезные романы и мимолетныя интрижки, кончавшіяся легкими потасовками. Но онъ ни разу не проявлялъ такой лютой ярости, какую возбудилъ въ немъ первый встрѣченный имъ черноморскій песъ.

Вспыхнула Балканская война. "Хивинецъ", закончившій къ тому времени свой ремонтъ, и готовившійся возвратиться на свою стоянку на Критъ, получилъ, внезапно, приказаніе итти станціонеромъ въ Зунгулдакъ. Французская компанія, разрабатывавшая тамъ турецкія угольныя копи, перепуганная слухами о священной войнѣ противъ христіанъ, просила, черезъ свое правительство, у Россіи, прислать къ нимъ, на всякій пожарный случай, военный корабль. Пожарнаго случая не произошло и французскія глотки не были перерѣзаны турецкими ятаганами, но "Хивинецъ" простоялъ въ Зунгулдакѣ больше мѣсяца, пока совершенно не успокоились французскіе нервы.

Джекъ отлично уживался и съ турецкими собаками. Кругъ

зунгулдакскихъ знакомыхъ былъ у него чрезвычайно великъ, чему не надо удивляться, если принять во вниманіе, что въ любомъ турецкомъ городѣ, число собакъ, обычно, значительно превышаетъ число двуногихъ обитателей.

Изъ Зунгулдака "Хивинецъ" вернулся на Критъ, но не надолго. Въ результатѣ Балканской войны и турецкаго въ ней пораженія, Критъ перешелъ къ Греціи и миссія державъ покровительницъ христіанскаго населенія турецкаго острова окончилась. Первыми, ушли итальянцы; почти одновременно съ ними — французы, и, нѣкоторое время оставались только англичане и русскіе. Вотъ, ушелъ и англійскій крейсеръ "Діана" и "Хивинецъ" остался одинъ. Наконецъ, пришла и его очередь покинуть теплыя воды Крита и итти бороздить давно не лизавшую его борта холодную и мутную балтическую волну.

Что это за интересное было плаванье! Джекъ многое могъ поразсказать своимъ землякамъ, либавскимъ собакамъ, которыя ничего на своемъ вѣку не видѣли, кромѣ порта Императора Александра III.

Въ Патросѣ, у Джека былъ легкій, мимолетный романъ съ прехорошенькой греческой сученкой. Въ Отрантскомъ проливѣ, гдѣ насъ изрядно трепануло, Джекъ, старый уже морской волкъ, съ презрѣніемъ смотрѣлъ, какъ укачивался Бобикъ, такса старшаго офицера съ незаурядно длиннымъ туловищемъ на коротышкахъ — ногахъ, съ гладкой шерстью, съ желтыми пятнами надъ грустными глазами. Въ Бриндизи и Палермо онъ голосомъ просилъ дать ему отвѣдать настоящія итальянскія спагетти, которыя были совсѣмъ не плохи, если были посыпаны тертымъ пармезаномъ. Прогулка по Алжиру была бы недурна, если бы не раздражалъ, постоянно, несущійся отовсюду запахъ морской баранины.

Кадиксъ Джеку не понравился. Испанскія собаки оказались скверно воспитанными и такими забіяками, что если бы не близость баталера, отогнавшаго драчуновъ, то едва-ли Джеку удалось бы отдѣлаться однимъ только клокомъ шерсти, выдраннымъ изъ его бока. Сравнить испанскихъ собакъ съ португальскими, Джеку не удалось, ибо въ Лейшіосѣ, все время, пока тамъ стоялъ "Хивинецъ", была такая погода, когда добрые хозяева не выгоняютъ собакъ на улицу. А ужъ у Джека ли были не добрые хозяева!

А что за зыбина въ Бискайкѣ! Иной разъ, бѣдной собакѣ казалось, что на лодку надвигается какя-то водяная Малакса. Плавать по такому взбаламученному морю не доставляетъ никакого удовольствія. Даже смотрѣть на море непріятно, не лучше ли уйти съ верхней палубы въ каютъ-компанію? Хотя Джека и не укачало такъ, какъ Бобика, но что-то такое непріятное подсасывало подъ ложечкой, не было никакого аппетита, а временами, такъ просто было страшно, когда каютъ-компанія, вмѣстѣ съ забившимся въ уголъ дивана Джекомъ, подымалась

куда-то ввысь и подъ ней слышался какой-то страшный грохотъ, причемъ сотрясался весь корпусъ корабля.

Вотъ, появляется въ каютъ-компаніи штурманъ Лютеръ. На немъ — мокрый дождевикъ, фуражка нахлобучена на самыя уши, ремень спущенъ подъ подбородокъ, ноги — въ высокихъ резиновыхъ сапогахъ. На шеѣ виситъ на ремешкѣ цейсовскій бинокль. Онъ потираетъ озябшія руки и бухается въ привинченное у обѣденнаго стола кресло.

— Вѣстовые, чаю! — кричитъ онъ.

Черезъ нѣкоторое время появляется вѣстовой Гусевъ, съ блѣдно-зеленымъ лицомъ. Въ одной рукѣ онъ держитъ стаканъ, завернутый въ салфетку, другой — хватается за попадающіеся по пути пиллерсы, и, широко разставивъ ноги, балансируя, несетъ чай Лютеру.

— Что, Джекуля, укачался? — спрашиваетъ Лютеръ Джека, грустно смотрящаго на него изъ угла дивана на которомъ онъ лежитъ. Джекъ, дважды, хлопаетъ хвостомъ по кожанной диванной обивкѣ.

— Да, братъ, собачья, можно сказать, погода, — говоритъ Лютеръ отхлебывая чай изъ стакана, который онъ держитъ обѣими руками, наваливаясь грудью на столъ.

Джекъ совершенно не согласенъ съ эпитетомъ, который употребилъ штурманъ для характеристики погоды. Почему такую отвратительную погоду люди называютъ собачьей? Этого даже такой умный песъ, какъ Джекъ, понять не можетъ...

Погода перестаетъ быть собачьей, когда "Хивинецъ" подходитъ къ Плимуту.

Въ Девонпортѣ стоялъ и разоружался старый пріятель "Хивинца" — англійскій крейсеръ "Діана". Его старшій офицеръ Кенди и pay-master Браунъ пріѣхали на "Хивинецъ" обѣдать, и, первымъ, кто ихъ встрѣтилъ у трапа, былъ ихъ старый знакомецъ — Джекъ.

— How do you do, Джекъ? — привѣтствовалъ его радостно, Кенди, и, Джекъ отвѣтилъ ему такимъ жизнерадостнымъ лаемъ, который лучше всякихъ словъ говорилъ: — "thank you, very, very well." Помахивая кисточкой своего хвоста, онъ побѣжалъ впередъ, указывая пріѣхавшимъ дорогу въ каютъ компанію, которую они и безъ джекиной указки, очень хорошо знали.

Побывалъ онъ въ Плимутѣ и на берегу.

На одной изъ плимутскихъ улицъ, онъ встрѣтилъ урода, съ приплюснутой мордой, съ вылѣзающими наружу клыками и полувысунутымъ языкомъ, съ могучей выпученной грудью, на крѣпкихъ, короткихъ ногахъ. Урода велъ на цѣпочкѣ какой-то англійскій дядя. Когда Д ж е к ъ, по принятому хорошему собачьему тону, подбѣжалъ къ нему, чтобы его обнюхать и познакомиться поближе, собачій уродъ такъ грозно на него зарычалъ и показалъ ему такіе страшные зубы,

что Джекъ, въ ужасѣ, шарахнулся въ сторону, подъ защиту взявшаго его съ собою ревизора, и, долго, съ недоумѣніемъ, оборачивался и глядѣлъ вслѣдъ уроду. Ему еще ни разу не приходилось встрѣчаться съ чистокровными бульдогами.

Въ Шербургѣ, у Джека былъ послѣдній заграничный романъ, съ легкой потасовкой съ французскими кобелями.

Когда "Хивинецъ" проходилъ Кильскимъ каналомъ, изъ Брунсбютеля въ Киль, Джекъ развлекался тѣмъ, что переругивался съ борта корабля съ нѣмецкими собаками, которыхъ онъ замѣчалъ на берегахъ канала. Онъ предчувствовалъ, что въ недалекомъ уже будущемъ, все нѣмецкое станетъ врагомъ русскаго.

Но вотъ, наконецъ, и Либава. Кончился длинный путь. Въ далекихъ и такихъ пріятныхъ воспоминаніяхъ остались и теплый Критъ, и крутая гора Малакса, и пыльное шоссе въ Канею, и мимолетная жена въ маленькой турецкой деревушкѣ — Тузлѣ. Либаву онъ не помнитъ совершенно, покинувъ ее шесть лѣтъ тому назадъ глупымъ, неуклюжимъ щенкомъ, съ мутными глазами. А вѣдь шесть лѣтъ, это — полъ собачьей жизни!

Улицы старой Либавы также узки и извилисты, какъ въ Канеѣ, но тамъ не было этого чудовища трамвая, который занимаетъ по ширинѣ чуть ли не полъ-улицы, и, когда катится, то гремитъ такъ, какъ не гремятъ десять тысячъ ословъ, груженыхъ оливками. А какая масса здѣсь дядей, также одѣтыхъ, какъ и подшкиперъ Руликъ, съ которымъ онъ идетъ по Песочной улицѣ! И Руликъ, черезъ каждые десять шаговъ, останавливается, здоровается за руку со встрѣчнымъ дядей, и, подолгу о чемъ-то съ нимъ бесѣдуетъ. Все было бы хорошо, если бы не эти противные трамваи.

Вотъ, снова, съ грохотомъ и звономъ, мчится это чудовище. Джекъ, пугливо, жмется къ ногамъ Рулика. Но, что это? Не Чифъ ли это сидитъ тамъ, внутри? Ну, конечно же, Чифъ! Джекъ сразу же, перестаетъ бояться грохочущаго чудовища, и, съ громкимъ и радостнымъ лаемъ, кидается въ догонку.

Откуда было знать бѣдной собакѣ, не умѣющей читать, что внутри этого гремящаго и звенящаго вагона вывѣшены плакаты, на которыхъ четко написано крупными красными буквами:

Жизнеопасно
lebensgefahrlich
dzihvibu draudochi
вскакивать и выскакивать на ходу
трамвая.

Вотъ, увидѣлъ его изъ окна и Чифъ, и, высунувшись, что-то кричитъ ему. Сквозь грохотъ мчащагося вагона, онъ не слышитъ, что кричитъ ему Чифъ. До слуха доносится лишь его имя и онъ наддаетъ ходу. А вотъ и передняя площадка. Ахъ, чортъ возьми, какъ быстро

мчится этотъ противный трамвай! Джекъ летитъ стрѣлой... Вотъ, онъ поравнялся съ передней площадкой... Еще одно усиліе, и, онъ вскочитъ на ступеньку. Отъ страшнаго напряженія и быстраго бѣга, глаза его туманятся слезой, красный языкъ сильно высунулся и болтается на бѣгу изъ стороны въ сторону. Ну, разъ, два, и...

Ахъ, Джекуля, Джекуля, вѣдь ясно же сказано —

dzihvibu draudochi...

Когда Джека перенесли въ ближайшую лавку, Чифъ поскакалъ искать ветеринара.

Діагнозъ ветеринара, курчаваго, горбоносаго брюнета, былъ — переломъ тазовыхъ костей и сильные ушибы всего тѣла. При хорошемъ уходѣ и лѣченіи, останется живъ.

— А есть ли въ Либавѣ собачья лечебница? - спросилъ Чифъ.

— Ну, вы знаете, до такого прогресса ми еще не дошли, - отвѣтилъ брюнетъ, ловко пряча въ жилетный карманъ полученную ассигнацію.

Чифъ поспѣшилъ вернуться на корабль, оставивъ Джека съ Руликомъ въ той же лавкѣ, куда его перенесли съ мѣста происшествія. На корабельномъ совѣтѣ, было рѣшено отправить Джека, съ первымъ же срочнымъ поѣздомъ, въ Петербургъ, командировавъ туда же и Рулика, въ качествѣ сопроводителя.

Джекъ вернулся на "Хивинецъ", черезъ два мѣсяца, калѣкой. Онъ, съ трудомъ, ходилъ, и, цѣлыми днями лежалъ, положивъ морду на вытянутыя переднія лапы, и, умными, грустными глазами провожая входящихъ и выходящихъ изъ каютъ-компаніи своихъ друзей. Въ хорошую погоду, онъ плелся на верхнюю палубу, и, часами, лежалъ на шканцахъ, грѣя на солнцѣ поломанныя собачьи кости.

Вскорѣ, я покинулъ "Хивинца".

Прошелъ годъ. Въ одинъ изъ душныхъ дней Петербургскаго лѣта, я ѣхалъ по Николаевскому мосту на Басильевскій Островъ, и, взглянувъ на Неву, увидѣлъ, вдругъ, знакомый силуэтъ стоявшаго на якорѣ, ниже моста, военнаго корабля. Это былъ "Хивинецъ". Я приказалъ извозщику ѣхать на пристань финляндскаго пароходства; тамъ отпустилъ его, и, нанявъ яликъ, поѣхалъ на "Хивинецъ". Я уже не нашелъ на немъ большинства изъ своихъ соплавателей по Средиземному морю и стоянкѣ на Критѣ. Не нашелъ на немъ и Джека.

— А гдѣ Джекуля? — спросилъ я.

— Джекъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, приказалъ вамъ долго жить, — отвѣтилъ чей-то равнодушный голосъ. Онъ принадлежалъ одному изъ назначенныхъ, незадолго до того, на "Хивинецъ" офицеровъ. Онъ не плавалъ съ нами въ Критскихъ водахъ.

Кн. Я. К. Тумановъ.

На бульварѣ.

Рис. Заринга. Съ оригинала, принадлежащаго С. В. Сѣкерину

VI.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Navigator's work book. Copyright, 1934, by Boris von Sonn.

Означенный выше навигаціонный рабочій журналъ, предложенный нашимъ соплавателемъ, Ст. Лейтенантомъ Б. В. фонъ Зоннъ и запатентованный имъ въ 1934 г., является чрезвычайно удобнымъ и полезнымъ пособіемъ въ ежедневной работѣ штурманскаго офицера на коммерческомъ кораблѣ.

Цѣль этого изданія ясна изъ приложеннаго къ книгѣ и приводимаго ниже полностью предисловія.

FOREWORD

I feel sure that navigators who derive a sense of satisfaction from the accuracy and neatness of their work and those who feel that their work is worthwhile will find something in the Navigator's Work Book to justify its use by them.

The Navigator's Work Book is constructed using Lt. Ageton's tables for obtaining Lines of Position of any celestial body. Ample space for the navigator's daily work at sea, i. e. D. R., Ex-Meridian, Meridian altitudes and plotting is provided in a logical and orderly manner. The Navigator's Work Book is not only a convenience but becomes a permanent record of the ship's performance.

For ex-meridian sights I recommend the method given in Bowditch as the most convenient for Merchant Marine Service and in cases where the time for work is limited.

Navigation, like all sciences, has progressed rapidly during the last several decades. As a navigator for a period of twenty-five years I have been able to test under the most trying conditions each new development as it has made its appearance. Usually attemps were made to simplify the procedure of obtaining a Sumner Line of Position but nearly all had one serious defect or another.

Recently the United States Hydrographic Office Publication № 211 made its appearance. These tables, developed by Lt. Ageton U.S.N., are characterized by their great simplicity. Altitude difference and azimuth of any celestial body are computed easily by one process involving but two aditions and subtractions. They are very convenient and after exhaustive tests found to be extremely accurate. The identification of observed unknown stars can be easily found by Lt. Ageton's method given in the same tables.

In conclusion, I am sure that the Navigator's Work Book will

more than justify the confidence of navigators and will prove itself a useful and convenient accessory to navigation. Any criticisms or suggestions will be gratefully received and carefully considered for the next printing.

BORIS VON SONN.

Остается только добавить, что часть I, представляющая собой такъ называемый "абстрактъ", не только удобна теоретически, но и провѣрена на практикѣ аккуратно веденной записью рейса № 22 парохода "Golden Dragon" въ 1934 и 1935 г.г.

До извѣстной степени, эта часть напоминаетъ нашъ "Штурманскій журналъ", введенный, если не ошибаюсь, въ 1914 году, но только еще болѣе удобный и приспособленный для нуждъ коммерческихъ судовъ.

Часть II является собраніемъ схемъ для рѣшенія всевозможныхъ навигаціонныхъ задачъ съ помощью таблицъ Lt. Ageton, U.S.N. (Publication № 211, Hydrographic Office). Схемы разработаны настолько удачно, что значительно облегчаютъ работу штурмана. Пишущему эти строки остается только пожалѣть, что онъ не имѣлъ подъ руками нѣсколькихъ десятковъ этихъ схемъ во времени слушанія курса въ Merchant Marine Officer's School. Эти схемы дали бы возможность значительно сократить время на практическихъ занятіяхъ.

Въ началѣ и концѣ журнала приложены схемы "Latitude diagrams for Navigator's work book" для широтъ отъ 0° до 61°, въ масштабѣ 1° долготы = 4″. Съ помощью такой діаграммы прокладка сомнеровыхъ линій и курса корабля производится на страницахъ журнала вмѣстѣ съ вычисленіями. Съ помощью транспортира и діаграммы широтъ. прокладка можетъ быть сдѣлана на любомъ листѣ бумаги.

Этотъ журналъ печатается фирмой George E. Butler Co., 356 California street, San Francisco, California.

Въ 1936 году Б. фонъ Зоннъ предложилъ графическій способъ полученія истинной высоты наблюденнаго свѣтила при помощи вычисленныхъ имъ таблицъ, изъ которыхъ данныя прочерчиваются на "Von Sonn's Rapid Solution Chart" и рѣшеніе задачи получается въ 1½ минуты. Таблицы и карта запатентованы въ томъ же году. Подробное описаніе мы дадимъ въ слѣдующемъ номерѣ.

А. Чернушевичъ.
